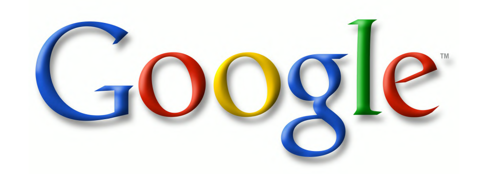
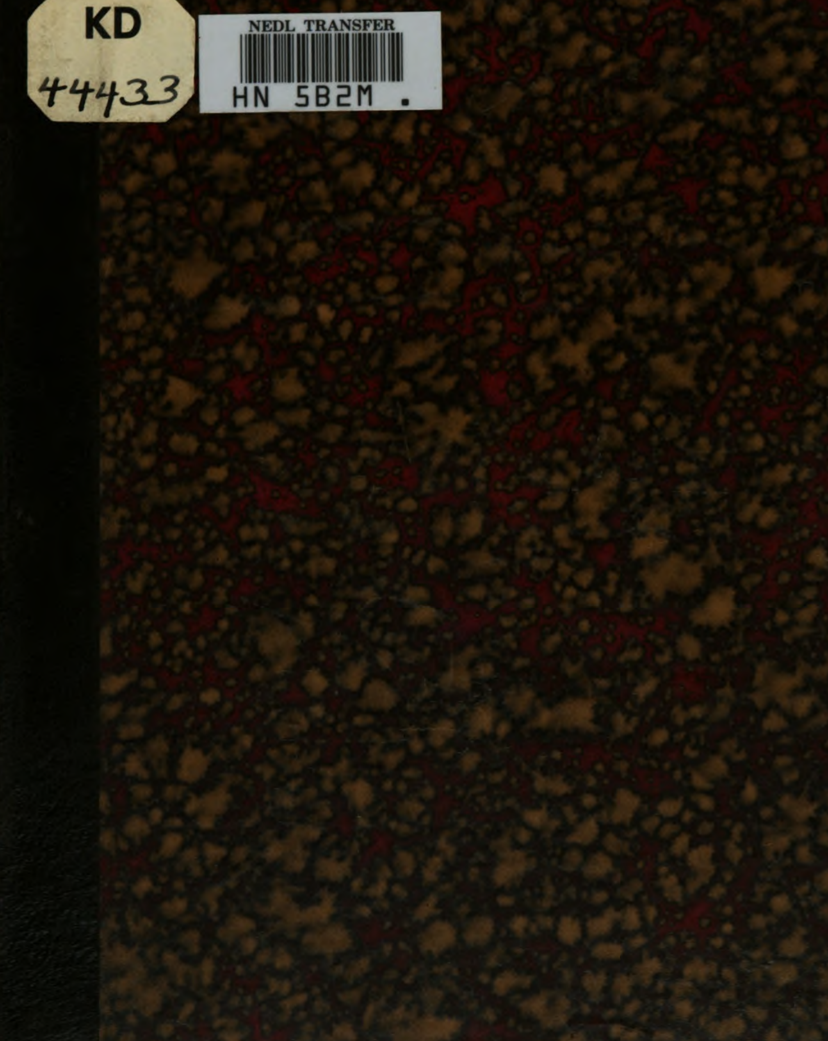

Google

БИБЛІОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ПОЭЗІИ.

Редакція Петра Вейнберга.

СТИХОТВОРЕНІЯ ФРАНСУА КОППЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, 36.
1889.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 мая 1889 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДВѢ СКОРБИ.

(Сцены).

Дѣйствующія лица:

Берта.

Рене.

Доминикъ, старый слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ наши дни.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Берта и **Доминикъ**.

При поднятіи занавѣса Берта, въ дорожномъ платьѣ, сидитъ на диванѣ; у ногъ ея небольшой чемоданъ.

Доминикъ.

Я былъ одинъ при немъ, когда
Онъ, бѣдный, здѣсь кончался... Да.
Одинъ... Ужъ около недѣли
Его оплакиваю я;
И такъ какъ, барышня моя,
Вы непремѣнно захотѣли
Узнать, какъ умеръ онъ—скажу
Подробно все, хоть нахожу,
Что этимъ только ваше горе

Я растравляю. Богъ его
Прибралъ, извольте видѣть, вскорѣ—
Недѣль пять-шесть—послѣ того,
Какъ книжкой новою безмѣрно
Въ Парижѣ изумилъ онъ всѣхъ;
Вы и въ провинціи навѣрно
Читали про ея успѣхъ
Неслыханный... Но онъ на это
Хоть разъ бы улыбнулся... Нѣтъ!

(*Указывая на газеты, лежащія на столѣ*).

На эти ворохи газетъ,
Гдѣ, какъ великаго поэта
Его превозносили—онъ,
Бывало, вскинетъ только взоромъ
И, весь въ раздумье погруженъ,
Къ тому дивану, на которомъ
Вы здѣсь сидите—подойдетъ,
И на подушки упадетъ
Въ изнеможеньи, и часами
Лежитъ съ закрытыми глазами,
Дыша такъ страшно тяжело!
Иль за огнемъ слѣдитъ, горящимъ
Въ каминѣ живо и свѣтло,
Иль притворится крѣпко спящимъ...
Разъ онъ сказалъ мнѣ: «Доминикъ,
Ты плачешь, кажется, старикъ?
Ну, полно!» И, пожавъ мнѣ руку,
Прибавилъ: «Не пришла пора
Еще для слезъ—дождись утра!»
И въ ту же ночь Богъ кончилъ муку...

Онъ умеръ тихо, какъ во снѣ...
Вотъ, барышня, все то, что́ мнѣ
Извѣстно. Онъ хворалъ два года,
И докторами рѣшено,
Что то была болѣзнь изъ рода
Болѣзней сердца. Я жъ одно
Могу сказать—что смерть въ такіе,
Какъ эти, годы молодые—
Большая подлость.

Берта.

Онъ угасъ
Христіаниномъ?

Доминикъ.

Ахъ, у насъ
Въ Парижѣ, барышня, такъ много
Всѣ заняты, что гдѣ ужъ Бога
Тутъ вспоминать? Когда надъ нимъ,
Надъ бѣднымъ бариномъ моимъ,
Я смерть увидѣлъ—для спасенья
Его души, я предложенье
Рѣшился сдѣлать—пригласить
Священника. Но онъ, казалось,
Не понялъ словъ моихъ...

Берта.

Осталось
Мнѣ объ одномъ еще спросить.
Скажи мнѣ... Тѣ, что́ приходили

Въ часы тяжелыхъ мукъ къ нему
И о надеждѣ говорили
Больному другу своему—
Скажи—теперь вѣдь ужъ нисколько
Скрывать не нужно—то друзья
Его лишь были? Правда?

Доминикъ.

Только
Его друзей здѣсь видѣлъ я.

Берта.

А между тѣмъ... Но предъ тобою
Я прямо мысль мою открою.
Ты знаешь, что со мною онъ
Уже давно былъ обрученъ.
Когда, гонимый жаждой славы,
Онъ промѣнялъ на здѣшній шумъ
Родныя тихія дубравы—
Предметомъ чувствъ его и думъ
Была лишь я... И долго вмѣстѣ
Со мной жила душа его.
На родину, къ своей невѣстѣ
Писалъ онъ письма, ничего
Отъ милой сердцу не скрывая
И безраздѣльно посвящая
Съ любовью нѣжною ее
Въ существованіе свое.
И вдругъ все рушилось... Извѣстна
Причина лишь тебѣ, старикъ!

Мой взглядъ здѣсь женщину проникъ.
Иначе, чтобы такъ безчестно,
Такъ безсердечно поступить,
Онъ долженъ былъ совсѣмъ лишиться
Ума... Но нѣтъ, не можетъ быть!
Нѣтъ, не могла я ошибиться!
Меня забылъ, не правда ль, онъ
Лишь потому, что увлеченъ
Былъ дикой страстью?.. Назови же
Мнѣ эту женщину!

Д о м и н и к ъ.

Чѣмъ ближе
Я былъ къ нему, тѣмъ чтилъ вѣрнѣй
Мнѣ довѣрявшіяся тайны...

Б е р т а *(въ сторону)*.

Онъ правъ!.. О, какъ необычайно
Страдаю я!.. Въ душѣ моей
И смерть его не истребила,
Какъ видно, ревности—могила
Покоя мнѣ не принесла,
Того покоя, что̀ звала
Я столько лѣтъ! *(Вслухъ)*.

Я не сказала
Еще тебѣ, зачѣмъ сюда
Пріѣхала. Ужъ навсегда
Себя забытой я считала,
Какъ вдругъ, недавно, отъ него
Пришло письмо съ однимъ лишь словомъ:
«Прости!» Существованьемъ новымъ

Всѣ струны сердца моего
Забились; этотъ почеркъ милый,
Какъ свѣтлый лучъ, въ душѣ унылой
Все озарилъ—и я сюда,
Къ нему, спѣшила ужъ—когда
Письмо другое, роковое,
Съ каемкой траурною, вновь
Надежды чувство золотое
Навѣкъ убило. Но любовь
Меня влекла; на ложѣ смерти
Хотѣла я еще застать
Трупъ драгоцѣнный и сказать:
«Ты вспоминалъ о бѣдной Бертѣ;
Твою предсмертную мольбу
Она исполнить поспѣшила
И, трупъ найдя, въ твоемъ гробу
Свое прощеніе сложила.»
Увы! Здѣсь встрѣтило меня
Ужъ опустѣлое жилище...
Но завтра, съ первымъ свѣтомъ дня,
Пойду къ нему я на кладбище...
Теперь ступай, мой другъ; пора
Тебѣ уснуть; я до утра
Хотѣла бъ здѣсь уединиться,
Чтобъ думать, плакать и молиться;
А завтра рано мы съ тобой
Пойдемъ къ могилѣ дорогой,

(*Доминикъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Берта (*одна*).

Здѣсь умеръ онъ... Здѣсь духъ поэта
Творилъ... Здѣсь часто до разсвѣта,
Въ ненарушимой тиши,
Онъ погружался въ міръ мечтаній...
О, вы, свидѣтели страданій
Его взволнованной души!
Вы, зеркала, что̀ отражали
Страдальца блѣдныя черты;
Вы, книгъ его страницы; ты,
Перо, съ котораго бѣжали
Высоковѣщія слова;
Ты, кресло старое, въ которомъ,
То съ тихой скорбью, то съ укоромъ
Къ груди склонялась голова—
Скажите: добровольно ль муки
Столь долгихъ, долгихъ лѣтъ разлуки
Онъ далъ на долю тѣмъ, кого
Любилъ когда-то? Иль его
Чужая пагубная сила
Такъ безпощадно отдалила
Отъ родины? Скажите мнѣ:
Межъ тѣмъ какъ въ мертвой тишинѣ
Скорбь повѣряя только Богу,
Въ полночный часъ, не зная сна,
Я жадно, жадно изъ окна
Взоръ устремляла на дорогу—

Скажите: правда, вѣдь и онъ,
Среди безмолвія ночнаго,
Облокотясь на свой балконъ
И въ звѣзды неба голубаго
Тревожно глядя, вспоминалъ,
Что отъ разсвѣта до разсвѣта
Я жду его—и посылалъ
Мнѣ слово нѣжнаго привѣта?..
Да говорите жъ! Но увы!
Сурово безотвѣтны вы—
И будетъ вѣчно жить сомнѣнье
Въ моей душѣ... Но, милый мой,
Знай, если тамъ, въ землѣ сырой,
Тебя терзаетъ угрызенье
Мятежной совѣсти—не я
Тому виной: душа моя
Тебѣ давно, давно простила;
Я слишкомъ глубоко любила,
Чтобъ ненавидѣть; даже съ той
Я въ сердцѣ злобно не враждую,
Чья страсть съ такою быстротой
Жизнь загубила молодую!

(*За дверью шумъ*).

Что тамъ? Шаги?.. Теперь? Сюда?..
И щелкнулъ ключъ?.. Здѣсь потайная
Есть, значитъ, дверь?.. Какимъ полна я
Непостижимымъ страхомъ!..

(*Маленькая потайная дверь медленно отворяется*).

Да,

Я не ошиблась... Входять... Боже!
Что дѣлать?.. Спрячусь поскорѣй!..

(Прячется зя ширмы, такъ что зрители продолжають ее видѣть. **Рене** *входитъ и останавливается на порогѣ).*

ЯВЛЕНІЕ 3.

Берта и Рене.

Рене.

Ты умеръ... Умеръ... Для чего же
Я здѣсь?.. Порогъ твоихъ дверей,
О, милый, я имѣю ль право
Переступить теперь, когда
Не съ тѣмъ лишь я пришла сюда,
Чтобъ плакать о тебѣ кроваво?..
Въ тотъ мигъ, когда твои глаза
Смерть такъ жестоко закрывала,
Я не пришла; моя слеза
На лобъ холодный не упала;
Рыдая, не прильнула я
Къ твоей рукѣ оледенѣлой...
И вотъ, походкою несмѣлой,
Какъ воръ, поступокъ мой тая,
Теперь, когда уже могила
Тебя взяла—я поспѣшила
Опять сюда, чтобъ то унесть,
Что́ можетъ тронуть въ мнѣньи свѣта
Мою супружескую честь!..

О, милый, если видитъ это
Твоя душа—какимъ должна
Кипѣть презрѣніемъ она!..
Но знай—не потому пришла я
Взять эти письма, и портретъ,
И всѣ слѣды, что для себя я
Боюсь несчастія—о, нѣтъ!
Пусть случай вывелъ бы наружу
Слѣды преступныхъ чувствъ моихъ
И безпощадно бросилъ ихъ
Въ лицо обманутому мужу—
Я не мѣшала бы тому...
Убилъ бы онъ меня... Такъ что же?
Къ чему мнѣ жизнь моя? Къ чему
Почтенье свѣта?.. Ты дороже,
Ты мнѣ священнѣе всего—
И сильно такъ мое мученье,
Что извлекла бъ я наслажденье
И изъ позора моего!..
Нѣтъ, твой покой смутить пришла я
Теперь, какъ мать; ты знаешь самъ,
Что если я твоимъ слезамъ,
Твоимъ моленьямъ не внимая,
Семью не бросила свою,
И если здѣсь теперь стою,
Ища того тревожнымъ взоромъ,
Чтò можетъ мнѣ грозить позоромъ—
То это только для него,
Ребенка чистаго—того,
Кто былъ любимъ тобой такъ нѣжно

И въ этотъ самый часъ, во снѣ,
Быть можетъ, грезитъ обо мнѣ
Невозмутимо-безмятежно...
Прости жъ меня!..

Берта (*Въ сторону*).

Она! Она!
Въ моихъ рукахъ и врагъ, и мщенье!..
О, ненависть! Ты мукъ полна,
Но эти муки—наслажденье!

Рене (*Выходя изъ задумчивости*).

Забылась я... Пора давно...
Что это? Здѣсь освѣщено?
А я не замѣчаю... Двери
Затворены ль, по крайней мѣрѣ?..
(*Бѣжитъ къ средней двери и смотритъ*).
Нѣтъ... Стало быть, его слуга
Недалеко... Мнѣ дорога
Минута каждая.
(*Беретъ въ руки ящичекъ, стоящій на столѣ*).
Когда-то
Все, что̀ давала я ему,
Хранилось бережно и свято
Вотъ здѣсь... Но, Боже, почему
Я вся дрожу? Такой унылой,
Такою мертвой тишиной
Здѣсь полонъ воздухъ ледяной,
Что представляется могилой
Мнѣ эта комната... И грудь

Сдавило странное сомнѣнье,
Что можетъ слышать кто нибудь
Меня...

Берта (*Выходя и кладя руку на ящикъ*).

И ваше опасенье
Не безъ причины: васъ ничто
Спасти не можетъ.

Рене.

Боже! Кто,
Кто эта женщина?..

Берта.

Такъ въ этомъ
Красивомъ ящичкѣ у васъ
Лежатъ записочки съ портретомъ?
Такъ, стало быть, въ полночный часъ,
Дорожкой, хорошо извѣстной,
Вы пробрались опять сюда,
Чтобъ не оставить и слѣда
Любви преступной и безчестной—
Такъ, какъ спѣшитъ убійца вновь
Къ убитой жертвѣ возвратиться,
Чтобъ хорошенько убѣдиться,
Что тщательно онъ вытеръ кровь...
Вы, если я не ошибаюсь,
Спросили съ ужасомъ сейчасъ:
Кто я?.. О, я глазами въ васъ
Уже давно, давно впиваюсь...

Да, вы отъ ногъ до головы
Прекрасны... да... я это вижу...
Но еслибъ только знали вы,
Какъ страшно васъ я ненавижу!

Рене.

Послушайте...

Берта.

Молчите! Здѣсь,
Передо мною—не у мѣста
Всѣ ваши крики: я невѣста
Того, кто умеръ. Гнѣвъ мой весь
На васъ пусть упадетъ всецѣло;
Самъ Богъ приказываетъ мнѣ
Вамъ отомстить за злое дѣло...
Да, это вы, и вы однѣ
Любовью пагубной убили
Страдальца—друга моего
И къ сердцу честному его
Измѣну гнусную привили!
Но преступленье перенесть
Въ себѣ не отыскалъ онъ силу
И поспѣшилъ укрыть въ могилу
Свою растоптанную честь!..
Ну, что жъ! Вѣдь очень натуральнымъ
Казаться это вамъ должно,
Не правда ль?—Такъ ужъ суждено
Намъ, барышнямъ провинціальнымъ—
Смиренно прозябать въ глуши

Съ наивной вѣрою души
Во все, въ чемъ горячо и свято
Намъ женихи клялись когда-то;
И въ церкви набожно за нихъ
Жечь свѣчи передъ образами;
И ждать съ горячими слезами,
Напрасно, писемъ дорогихъ;
Отъ глазъ чужихъ ревниво муку
Скрывать—и наконецъ, себѣ
Усвоить тяжкую науку
Нѣмой покорности судьбѣ!..
А между тѣмъ, въ чаду столицы,
Друзей, оторванныхъ отъ насъ,
Встрѣчаете въ проклятый часъ
Вы, обольстительныя львицы,
И въ грязь топча и честь свою,
И добродѣтель, и семью,
Шутя, въ какой нибудь кадрили,
Вы ихъ влюбляете въ себя...
Когда жъ, у вашихъ ногъ сгубя
Все то, во что они хранили
Святую вѣру; загрязнясь
Позоромъ гнуснаго раздѣла;
Съ негодованьемъ убѣдясь,
Что никогда открыто, смѣло
За милымъ не пойдете вы,
Что судъ общественной молвы
Для васъ важнѣй его страданій;
Когда сквозь столько испытаній,
Сквозь столько мукъ пройдя, они

Умрутъ покинуты, они—
Тогда, въ отчаянномъ испугѣ,
Вы вспомните, что вы супруги
И матери—и рѣки слезъ
Струите, бѣдныя, украдкой,
Надъ драгоцѣнною кроваткой
Съ ребенкомъ полнымъ чистыхъ грезъ!..
О, мой страдалецъ, ты, съ которымъ
Уйти отъ всѣхъ она сочла
Непозволительнымъ позоромъ
И видѣть гробъ твой предпочла—
Ты будешь отомщенъ! Повсюду,
Ее преслѣдовать я буду;
Клеймо позорное она
Вездѣ, всегда носить должна—
Въ глазахъ обманутаго мужа,
Въ глазахъ ребенка своего!
Клянусь—я не умру, всего
Предъ міромъ всѣмъ не обнаружа!..
Что жъ! Будьте гнусны до конца:
Рыдайте, лгите, состраданья
Молите у меня, съ лица
Румянецъ весь негодованья,
Задѣтой гордости своей,
Согнать старайтесь поскорѣй!..

Рене.

Нѣтъ, вы ошиблись; состраданья
У васъ молить не стану я;
Но не заносчивость моя

Меня удержитъ,—нѣтъ, сознанье
Что кару страшную свою
Я заслужила. Я стою
И жду: кончайте, погубите;
Не помышляя о защитѣ,
Не подыму я головы,
Чтобъ дать отпоръ обидѣ чести;
Быть можетъ, я на вашемъ мѣстѣ
Такъ поступила бъ, какъ и вы.
И если только что краснѣло
Мое лицо отъ всѣхъ обидъ,
То это былъ не гнѣвъ, а стыдъ...
Вамъ разъяснить однако дѣло—
Моя обязанность. Того,
За гибель чью вы такъ ревниво
Хотите мстить,—несправедливо
Вы обвиняете. Его
Я защитить должна предъ вами:
Не могъ онъ пошло измѣнить
И вѣтрено играть словами.
И—въ сердцѣ вашемъ возбудить
Негодованье вновь рискуя,
Съ открытой совѣстью скажу я—
Что если онъ меня любилъ,
То и любимъ глубоко былъ!

Берта.

О, вы поплатитесь жестоко
За эти дерзкія слова!..
Любимъ! Да и къ тому жъ глубоко!..

Должно быть, ваша голова
Помрачена, когда хватило
У вас безстыдства въ этомъ мнѣ,
Мнѣ признаваться!..

Рене.

Я любила
Не такъ, какъ вы. Я въ глубинѣ
Моей души, какъ воръ, скрывала
Мою любовь; она стояла
При свѣтѣ дня, во тьмѣ ночной,
Какъ страшный призракъ, предо мной!
О, не поймете вы, что̀ значитъ
Любить, когда кроваво плачетъ
Душа отъ вѣчной лжи; когда
Бѣжишь на тайное свиданье,
Какъ на позоръ, на злодѣянье,
Дрожа отъ страха и стыда,
И, возвратясь, опять съ испугомъ,
Краснѣя, смотришь на того,
Кто называется супругомъ,
И на ребенка своего!
Когда нельзя единой ночи
Провесть въ спокойной тишинѣ,
Безъ страшной мысли, что во снѣ,
На мигъ сомкнувшемъ только очи,
Уста, бесѣдуя съ душой,
Проронятъ имя дорогое;
Когда, за столько муки злой,
За истязаніе такое,

Дано—лишь изрѣдка, въ тоскѣ,
Рыдать, склонясь къ его рукѣ!..

Берта.

Склонясь къ его рукѣ!.. Скажите,
Какая скромность!.. Можетъ быть,
Невинность дѣвичью хотите
Вы деликатно пощадить?
Оставьте! Страждущей душою
Давно все угадала я;
Давно проникла мысль моя
Въ свиданья ваши; предо мною
Они живутъ всегда, всегда,
Со всѣми муками своими,
Но и со всѣми огневыми
Ихъ наслажденьями!... Сюда
Сегодня дверью потаенной
Вошли вы; это былъ для васъ,
Неправда ль, путь обыкновенный?
Вы имъ всегда въ полночный часъ,
Конечно, къ милому являлись
И тихо, тихо приближались
Къ его столу, и за плечомъ
Читали жадными глазами
Стихи, что̀ вдохновлялись вами,
И крѣпкій поцѣлуй потомъ
Такъ сладко выводилъ поэта
Изъ забытья... О, да, все это
Такъ ясно, ясно для меня!
Я точно слышу упоенье

Безумныхъ ласкъ, прикосновенье
Того блаженнаго огня,
Въ которомъ вы горѣли оба...
И зависть дикая, и злоба
Во мнѣ кипятъ—и все сильнѣй
Желанье мстить въ душѣ моей!

Рене.

О, Боже мой! Едваль для мщенья
Изобрѣтете вы мученья
Страшнѣй живущихъ въ глубинѣ
Моей души несчастной!... *Мнѣ*,
Мнѣ вы завидуете злобно,
Мнѣ ваше сердце мстить способно!
Такъ вотъ вамъ исповѣдь моя
О томъ, *какъ* услыхала я,
Что онъ скончался. Это было
Въ вечерній часъ; въ кругу семьи
Сидѣла я; но сердце ныло,
И мысли черныя мои
Носились тамъ, гдѣ смерть стояла
Надъ драгоцѣнной головой...
Моя малютка предо мной
Свои молитвы лепетала;
Мой мужъ, съ газетой, подлѣ насъ
Полудремалъ... Прійти могло ли
Кому на умъ, что въ этотъ часъ,
Въ такой тиши, рвалась отъ боли
Моя душа; что въ ней гроза
Ломала все неумолимо,

И слезы страшныя незримо
Жгли и туманили глаза!..
Минуты шли... Изнемогая
Въ нечеловѣческой борьбѣ
И, какъ предъ смертію, къ себѣ
Всѣ силы жизни призывая,
Чтобъ скрыть смущенье, скорбь, испугъ,
Спросила мужа я: «Мой другъ,
Какія новости въ газетѣ
Сегодня о больномъ поэтѣ?»
Разсѣянно, почти сквозь сонъ,
Опять взглянулъ въ газету онъ,
И, точно звонъ заупокойный,
Въ ночномъ безмолвіи, спокойный
Упалъ на сердце мнѣ отвѣтъ:
«Сегодня умеръ твой поэтъ!»
Какимъ жестокимъ истязаньемъ
Мнѣ было—вопль въ груди сдержать,
Не помертвѣть, не зарыдать!..

Берта.

О, не такимъ еще страданьемъ
Должны бъ вы были заплатить
За тяжкій грѣхъ! Его убить
Оно вѣдь вамъ не помѣшало;
И между тѣмъ, какъ тамъ держало
Семейное приличье васъ —
Здѣсь, тщетно плача, онъ угасъ
Безъ утѣшенья, одинокій...

Рене.

О, вы безжалостно-жестоки!..
Ну, что жъ, пускай! Пусть ваша месть
Растопчетъ жизнь мою и честь—
Осуждены вы сами вѣчно
Терзаться съ нынѣшняго дня,
Понявъ, услышавъ отъ меня,
Какъ глубоко, какъ безконечно
Его любила я!..

Берта.

А я,
Я не любила?.. Вѣкъ разлуки,
Обманутой надежды муки—
Все вынесла любовь моя.
Межъ ней и вашею сравненье
Не можетъ быть: вы—преступленье,
Я—долгъ... Про ваши жертвы мнѣ
Вы говорите. Но онѣ
Вѣдь умереть не помѣшали
Несчастному! Моя любовь
Его спасла бъ. Межъ тѣмъ какъ кровь
Вы въ немъ и жгли, и отравляли
Своею дикой страстью, я
Ему протягивала руки,
Прощая все, и грудь моя
Челу, склоненному отъ муки,
Отъ бурь, готовила пріютъ,
Весь полный мира и привѣта...
Но вы его держали тутъ,

Тутъ, въ зачумленномъ вихрѣ свѣта,
Въ водоворотѣ гнусномъ... Ахъ,
Когда-бъ не пламя страсти злое,
Не честолюбье роковое—
Теперь поэзія въ слезахъ,
То правда, не пришла бъ съ цвѣтами
Къ его могилѣ; міръ хвалами
Во слѣдъ ему бъ не прозвучалъ;
Безвѣстно, скромно бъ онъ свершалъ
Свой путь; но былъ бы живъ—поймите—
Онъ былъ бы живъ!.. О, Боже мой,
Какъ я страдаю!.. Что жъ, идите
Теперь, сударыня, домой...
Здѣсь нечего вамъ дѣлать... Мщеньемъ
Грозить я вамъ не стану: мнѣ
Въ немъ надобности нѣтъ—вполнѣ
Вы казнены моимъ презрѣньемъ!

Рене.

Нѣтъ, это слишкомъ! Нѣтъ, я вновь
Вамъ повторяю—я любила
Не такъ, какъ вы: во мнѣ любовь
Такія струны шевелила,
Какихъ въ себѣ конечно вы
Не отыскали бы... Увы!
Я помню: часто, въ тѣ мгновенья,
Когда, желая отъ меня
Прогнать гнетущія сомнѣнья,
Онъ, голову свою склоня
Къ моимъ рукамъ и ихъ цѣлуя,

Шепталъ мнѣ нѣжно: «жизнь моя
Полна безмѣрнымъ счастьемъ»—я,
Душою любящею чуя
Ложь благородную его,
Ревнивый ропотъ своего
Больнаго сердца заглушала
И въ тихихъ грезахъ создавала
Для этой жизни дорогой
Другое счастье, путь другой—
Открытый, свѣтлый, безмятежный,
Съ подругой чистою и нѣжной,
Принадлежащею ему
Безъ раздѣленья, одному,
Передъ лицемъ людей и Бога;
Чтобъ каждый разъ, когда тоска
И ядовитая тревога
Проснутся въ немъ—ея рука,
Какъ духъ спокойствія и свѣта,
Ложилась на чело поэта
И разгоняла безъ слѣда
Всѣ тучи горькаго сомнѣнья
И безпредѣльной скорби... Да,
Въ порывѣ самоотреченья,
Всѣмъ существомъ моимъ звала
Я въ жизнь его жену такую—
И если бы она пришла,
Мою обязанность святую
Безропотно бъ свершила я:
Страданье страшное глубоко
Въ разбитомъ сердцѣ затая,

Бѣжала бъ отъ него далеко,
Чтобъ въ безмятежной тишинѣ,
Для новыхъ, чистыхъ ощущеній
Воскресъ его высокій геній,
Навѣкъ забывши обо мнѣ!..
Вотъ я на что была способна!
Что жъ? Отыскать ли вамъ въ себѣ
Такую силу—вамъ, рабѣ
Слѣпаго долга?... Вижу—злобно,
Презрительно смѣетесь вы;
Мои слова звучатъ предъ вами
Уловкой хитрой головы,
Не сердца честными словами!..
Такъ слушайте жъ... Разъ... это былъ
Одинъ изъ дней его недуга
Души и тѣла... получилъ
Онъ съ родины письмо отъ друга.
Другъ говорилъ ему о васъ,
Что вы забывшему простили,
Но сердце навсегда закрыли
Для ожиданья; что погасъ
Надежды свѣтъ во мракѣ горя;
Что вы въ глубокій этотъ мракъ
Ушли, и въ жизнь глядите такъ,
Какъ съ береговъ на волны моря
Все смотрятъ вдовы рыбаковъ...
«Отдайте это мнѣ»—ревниво
Я попросила—и безъ словъ,
Но такъ болѣзненно-тоскливо
Онъ мнѣ бумагу протянулъ,

И свѣтлый взоръ его сверкнулъ
Такой слезой, что поняла я
Все, все—и изъ моей души
Съ рыданьемъ вырвалось: «Спѣши
Туда, гдѣ ждетъ тебя святая,
Боготворящая любовь,
Гдѣ для тебя воскреснутъ вновь
Покой и свѣтъ... Еще есть время,
Сбрось ядовитой страсти бремя
Съ своей души, оставь меня!»
Но голову на грудь склоня
Съ неизъяснимою тоскою
И улыбнувшись вдругъ такою
Улыбкою, которой я,
Пока не сгибнетъ жизнь моя,
Не позабуду—«поздно... поздно...
Благодарю...» онъ прошепталъ...
И этотъ шопотъ прозвучалъ
Въ моей душѣ зловѣще-грозно,
Какъ будто смертный приговоръ...
Что это? Боже мой! Вашъ взоръ,
Я вижу, омраченъ слезами...
Да, да, вы плачете... Что съ вами?.. .

Берта (*порывисто въ сильномъ волненіи*).

Простите, о простите мнѣ!
Забудьте низкія угрозы!..
Да, ваши рѣчи, ваши слезы
Не лгутъ. . Въ какомъ-то дикомъ снѣ,

Бродя во тьмѣ безумья злаго
Не понимала я, что мы—
По скорби сестры. Вы изъ тьмы
Меня выводите—и снова
Душа въ священной тишинѣ...
Простите—для того, чтобъ мнѣ
И онъ простилъ... Подайте руку...
Вѣдь я сама такую муку
Переживала!.. Вы его
Любить умѣли такъ высоко,
Что не закроете жестоко
Прощенью сердца своего!..
Забудьте все—и послѣ битвы
Двухъ братскихъ душъ, соединимъ
Двѣ наши скорби, подадимъ
Другъ другу руки для молитвы
О дорогомъ страдальцѣ! Пусть
Моя безропотная грусть
И ваши злыя угрызенья
Послужатъ жертвой искупленья
Передъ Творцемъ, судящимъ насъ,
Тому, кто страшно такъ угасъ,
Безвѣрьемъ гордымъ сокрушенный,
И даже въ свой послѣдній часъ
Святой молитвой не спасенный!..

Р е н е.

Благодарю васъ. Дай вамъ Богъ
Переносить свои страданья

Спокойнѣй, легче, отъ сознанья,
Что до могилы онъ не могъ
Васъ позабыть; что до могилы
Вы были дороги и милы
Его душѣ—какъ дорога
Безвѣрья полному разсудку
Молитва, что̀ твердить малютку
Учила мать... Пока врага
Неумолимаго встрѣчала
Я предъ собою—я молчала
Объ этой тайнѣ... Но сестра
Пусть знаетъ все... Теперь пора...
Прощайте... Разныя дороги
Страданьямъ нашимъ суждены:
Вамъ—скорбь средь мертвой тишины
Безъ сокрушительной тревоги;
Мнѣ—вѣчно скрытая гроза
И сверхъестественная сила
Жить такъ, чтобъ ни одна слеза
Душевныхъ мукъ не обличила!..
Но прежде, чѣмъ ударить часъ
Разлуки—и разлуки вѣчной—
Не откажите мнѣ въ сердечной,
Послѣдней просьбѣ: съ вами разъ
Еще сойтись, чтобъ научиться
У васъ и вѣрить, и молиться...
Мнѣ сердце шепчетъ, что тогда
Свой долгъ тяжелый безъ труда
Я понесу; что станетъ чище,
Свѣтлѣе въ бурной глубинѣ

Моей души... О, дайте жъ мнѣ
Минуту...

Берта.

Завтра, на кладбищѣ!..

П. Вейнбергъ.

ПРОСТИЛА.

1.

Когда женихъ ея уѣхалъ на войну,
Ирена де-Граммонъ съ рѣшимостью спокойной
Не предалась слезамъ и скорби недостойной;
Но, словно рыцаря подруга въ старину,
Молилась и ждала. Роскошные наряды
Смѣнилъ простой, почти монашескій костюмъ;
Замолкли музыки блестящія рулады,
И въ замкѣ голосовъ затихъ веселый шумъ.
Воспоминаніемъ о счастіи минувшемъ,
Такъ неожиданно и быстро промелькнувшемъ—
Осталось ей кольцо.
Когда впервые вѣсть
Дошла въ ихъ уголокъ о страшномъ пораженьи,
Рене ей заявилъ тотчасъ же о рѣшеньи
Своемъ вступить въ ряды сражавшихся за честь
Отчизны. Для него казалося измѣной

Бездѣйствіе, и онъ, простившися съ Иреной
И взявъ на память прядь ея густыхъ волосъ,
Въ защитниковъ ряды вступилъ простымъ солдатомъ.
Широкою волной лились потоки слезъ
Въ краю, зловѣщею заразою объятомъ.
Тѣ дни, когда въ село являлся почтальонъ,
Ирена у окна садилась молчаливо...
Она ждала его тревожно и тоскливо,
И часто съ губъ ея срывался тихій стонъ
Отчаянья.
Потомъ настали дни осады—
Агонія тоски и безнадежныхъ слезъ;
Для дѣвушки угасъ послѣдній лучъ отрады:
Извѣстій не было, и ей нести пришлось
Гнетъ неизвѣстности. Она пеклась съ любовью
О семьяхъ тѣхъ бойцовъ, что́ оросили кровью
Своею родины цвѣтущія поля...
Подъ властью пришлецовъ стонала вся земля;
Вторженіе враговъ, какъ страшная гангрена,
Охватывало все,—и осенью Ирена
Узнала, что въ село явился ихъ отрядъ.
Она осталася спокойна Говорятъ,
Рене здоровъ... Она извѣстье получила
О немъ.., и счастіе волною охватило
Ее... Всѣ прежнія страданія забывъ,
Она твердила лишь: «О, Боже мой, онъ живъ!»

2.

Съ зарею разбудилъ графиню звукъ пальбы.
Она приподнялась, блѣднѣя, на постели,

Изъ парка явственно къ Иренѣ долетѣли
Раскаты выстрѣловъ и шумъ глухой борьбы.
Стыдяся своего минутнаго испуга,
Она спустилась внизъ съ улыбкой на устахъ;
Повсюду на селѣ царилъ сильнѣйшій страхъ,
И въ замкѣ пряталась дрожащая прислуга.
Съ баварцами въ лѣсу столкнулися стрѣлки,
Но не успѣли въ ходъ они пустить штыки—
Все перестрѣлкою окончилось простою,
И снова шумъ пальбы смѣнился тишиною.
Нашелся раненый. Баварецъ молодой,
Съ простреленнымъ плечомъ, лежавшій безъ движенья,
Былъ поднятъ на лугу, и съ чувствомъ сожалѣнья
Ирена отнести во флигель угловой
Велѣла бѣдняка безжизненное тѣло.
Прислуга двигалась угрюмо и ворча,
Но приказанія ослушаться не смѣла.
Графиня съ помощью домашняго врача
Тотчасъ же сдѣлала компрессъ и перевязку
Больному. Увидавъ разлившуюся краску
На мертвенныхъ щекахъ и тусклые зрачки,
Врачъ тихо прошепталъ встревоженной Иренѣ:
— Сегодня вечеромъ готовтесь къ перемѣнѣ.
— Онъ можетъ умереть? — Не знаю... порошки,
Быть можетъ, перервутъ опасные припадки,
Я опасаюся сильнѣйшей лихорадки;
Тутъ попеченія заботливой руки
Необходимы и... — Ну, что же? Я готова
— Какъ, вы, графиня, вы? — Я васъ прошу—ни слова...
Бѣдь если бы Рене—измученный, больной

Былъ также плѣнникомъ, несчастнымъ, одинокимъ,
Ужели бы онъ тамъ не встрѣтилъ ни одной
Германской дѣвушки съ сочувствіемъ глубокимъ
Къ его страданіямъ? — Вы правы, и на васъ
Надѣюсь я вполнѣ,—протягивая руку,
Отвѣтилъ ей старикъ:—давайте каждый часъ
Больному порошки... прислушивайтесь къ звуку
Его дыханія... Прощайте—до утра!

3.

Дверь тихо заперлась. Ирена у одра
Больнаго, въ комнатѣ, неясно освѣщенной
Старинной лампою, осталася одна.
Кругомъ глубокая царила тишина;
Но вдругъ онъ поднялся, и—блѣдный, утомленный,
Чуть слышно прошепталъ:—Простите я сейчасъ
Не въ силахъ былъ заснуть... Я такъ желалъ бы васъ
За все благодарить, отъ имени любимой
Мной дѣвушки... вѣдь вы съ такой невыразимой
Сердечной добротой къ несчастному врагу...
Ирена вспыхнула.—Для васъ необходимы
Спокойствіе и сонъ. — О, нѣтъ, я не могу
Теперь заснуть, меня тревожитъ обѣщанье
Мной данное, а смерть, увы! недалека,
Быть можетъ, и ея тяжелая рука
Меня коснулася...
— Довѣрьтесь мнѣ, признанье
Навѣрно облегчитъ и успокоитъ васъ.
Онъ глубоко вздохнулъ и началъ свой разказъ:
— Война—ужасный грѣхъ, быть можетъ—преступленье.

Недѣли три назадъ, подъ Мецомъ, я убилъ...
Француза...
Блѣдная, почти лишившись силъ,
Ирена слушала его въ оцѣпенѣньи.
— Мы, пользуясь ночною темнотой,
Рѣшились окружить знакомую избушку,
Гдѣ скрылися стрѣлки. Вечерній паръ густой
Клубился въ воздухѣ, и, выйдя на опушку,
Мы тихо поползли, таясь въ травѣ густой.
Мы пробиралися, какъ ловкіе бандиты...
Бѣдняга часовой! Подкравшись позади,
Въ него вонзилъ я штыкъ, и съ яростью въ груди,
Мы кинулись впередъ—всѣ были перебиты...
Ирена вздрогнула, закрывъ рукой лицо.
—Я опьянѣлъ. Меня кровавый воздухъ спертый
Душилъ. Шатаяся, я вышелъ на крыльцо.
У самыхъ ногъ моихъ валялся распростертый
Несчастный часовой; онъ слабо застоналъ...
При свѣтѣ мѣсяца, блеснувшемъ изъ за тучи,
Его замѣтилъ я, и стыдъ—безумный, жгучій
Вдругъ охватилъ меня. Онъ тихо прошепталъ:
«Я долженъ умереть... Во имя состраданья
Я васъ прошу—мое послѣднее желанье
Исполните».. Съ трудомъ онъ вынулъ медальонъ,
Залитый кровію:—«Отдайте»... Слабый стонъ
Прервалъ слова его, и кровь струей изъ раны
Внезапно хлынула. На землю, бездыханный
Онъ опрокинулся... Я принялъ тотъ залогъ,
Что̀ онъ мнѣ передалъ рукой окровавленной;
Тамъ былъ дворянскій гербъ, съ маркизскою короной.

Но до сихъ поръ никакъ я отыскать не могъ
Ту женщину, кому навѣрно назначался
Послѣдній даръ его... и если бъ не остался
Я самъ въ живыхъ—о, дайте клятву мнѣ
Исполнить этотъ долгъ...
Слабѣющей рукою
Онъ вынулъ медальонъ, и съ жгучею тоскою
Ирена, задрожавъ, узнала гербъ Рене...
—Да, я клянусь!—она беззвучно прошептала
Упавшимъ голосомъ, и ей сдавило грудь
Отчаянье... Она, шатаяся, привстала:
—Я все исполню, все... вы можете заснуть!..

4.

Онъ задремалъ. Съ огнемъ во взорѣ,
Съ безумной мукою въ чертахъ,
Съ глухимъ рыданьемъ на устахъ
Ирена встала. Ужасъ, горе
Ее терзали... Онъ убитъ—
Погибъ, злодѣйски умерщвленный,
И этотъ гербъ окровавленный—
Его... А тутъ, предъ нею спитъ
Убійца—гость ея и плѣнникъ,
Который, гнусно, какъ измѣнникъ,
Нанесъ ударъ изъ-за угла!
Ему, ему она могла
Желать покоя!.. Боже правый!
Судьба съ ироніей кровавой
Надъ ней глумится... До утра
Она пробудетъ у одра

Убійцы, сонъ оберегая
Его и нѣжно охраняя,
Какъ сына—любящая мать.
Да, онъ спокойно можетъ спать
Здѣсь, подъ священною охраной
Гостепріимства... Ею данный
Лекарства во время пріемъ
Спасетъ его.,.
Но тутъ огнемъ
Въ ней чувство ненависти жгучей
Зажглось сильнѣе и могучѣй...
Спасти его! Когда нанесть
Она могла бъ рукой своею
Ударъ безчестному злодѣю!
Вѣдь ей одно осталось—месть.
Онъ отнялъ счастье и отраду
У ней. Ужель она въ награду
Ему здоровье возвратитъ
И жизнь? О, нѣтъ! Теперь онъ спитъ;
Ей стоитъ выбросить лекарство...
Но это было бы коварство,
Измѣна... Что же? Нѣтъ нужды...
Она въ отчаяньи боролась
Съ собой... Но вдругъ раздался голосъ...
Больной шепталъ: «Воды, воды»!..
Ирена подняла въ тревогѣ и смущеньи
Глаза на кроткій ликъ распятаго Христа,
И взоръ Спасителя съ высокаго креста
Ей словно говорилъ о мирѣ и прощеньи...
Тогда—вся поблѣднѣвъ, она дала питье

Больному, впавшему, казалось, въ забытье.
Тебѣ извѣстно все, божественный Учитель!
Ты слышалъ, какъ шепталъ ей демонъ-искуситель
Свой гибельный совѣтъ въ зловѣщій часъ ночной;
Ты, искушаемый въ пустынѣ сатаной,
Ты, высшій свѣтъ любви—великой, христіанской,
Ты вспомнилъ, Господи, о рощѣ Гефсиманской,
Когда, готовясь мукъ своихъ принять вѣнецъ,
Ты палъ на землю ницъ, въ тоскѣ неудержимой
Молясь Творцу: «Тебѣ возможно все, Отецъ,
И чаша горькая, молю, да идетъ мимо»!
Ты видѣлъ гнетъ ея раскаянья и слезъ,
И—вѣрю—Ты простилъ несчастную, Христосъ!

5.

И утромъ, въ комнату больнаго возвратясь,
Старикъ нашелъ ее сидящей у постели,
И въ страхѣ отступилъ невольно, убѣдясь,
Что за ночь волосы Ирены посѣдѣли...

О. Чюмина.

Нежданная Радость.

Однажды Іисусъ съ апостоломъ Петромъ
Шелъ мимо озера, вблизи Генисарета.
Стоялъ полдневный зной, и солнечнымъ лучомъ,
Какъ уголь огненный, земля была нагрѣта.
Вдругъ вѣщимъ взорамъ ихъ предсталъ убогій видъ
Рыбачьей хижины, стоявшей близь дороги.
Не въ силахъ удержать слезъ, текшихъ вдоль ланитъ,
Вдова несчастная сидѣла на порогѣ,
Веретено свое одной рукой вертя,
Другой—заботливо баюкая дитя.
Ставъ за деревьями, невидимые взору,
Они замѣтили, какъ подошелъ къ вдовѣ
Старикъ, въ послѣднюю вступившій жизни пору,
Съ трудомъ большой сосудъ неся на головѣ.
И съ кроткою мольбой къ ней робко обратился:
— Ты видишь, женщина, я сѣдиной покрытъ
И слабъ, какъ желтый листъ, что̀ съ дерева свалился.
Взгляни на рубище, которымъ я прикрытъ,
И жалость пусть въ тебѣ пробудитъ видъ убогій:
Къ селенью ближнему вотъ этою дорогой
Тебѣ нельзя ль помочь мнѣ донести сосудъ?
На хлѣбъ мнѣ за него одинъ оболъ дадутъ...

Ни слова не сказавъ, вдова поднялась кротко,
Работу кинула, которую пряла,
Прикрыла колыбель, гдѣ плакала сиротка,
И, въ руки взявъ сосудъ, со старикомъ пошла.
Тогда апостолъ Петръ воскликнулъ въ изумленьи:
— Учитель! Ты велишь недужнымъ помогать...
Но эта женщина въ своемъ ли разумѣньи,
Когда рѣшается младенца покидать
Для перваго, кто къ ней является съ дороги,
Какъ будто бъ на пути онъ не нашелъ подмоги?..»
И отвѣчалъ Господь апостолу Петру:
— Аминь, аминь тебѣ, мой ученикъ, глаголю:
Коль нищій нищему, въ душѣ стремясь къ добру,
Въ бѣдѣ помочь спѣшитъ—онъ исполняетъ волю
Пославшаго Меня. И съ неба мой Отецъ
Ей вѣрно ниспошлетъ спокойствія вѣнецъ!

Окончивъ рѣчь свою, сѣлъ на скамью Спаситель,
И видѣлъ ясно Петръ, какъ колыбель рукой
Слегка толкнулъ его божественный Учитель
И быстро завертѣлъ веретено другой.
Когда жъ они ушли, вдова домой вернулась
И въ изумленіи невольно встрепенулась:
Ея работа вся окончена была,
А въ колыбели дочь спокойнымъ сномъ спала...

Н. Позняковъ.

Стачка кузнецовъ.

Мой разсказъ недологъ будетъ, господинъ судья.
Вся бѣда случилась вотъ какъ—по порядку я
Объясню. Межъ кузнецами прошлою зимой
Сдѣланъ былъ единодушно уговоръ такой:
Перестать совсѣмъ работать. Та зима была,
Какъ изволите вы помнить, больно тяжела.
Голодъ, холодъ одолѣли нашу братью. Вотъ,
Разъ въ субботу, получивши въ кассѣ свой разсчетъ
За недѣлю, говорятъ мнѣ наши старики—
Ихъ именъ я вамъ не выдамъ, хоть сейчасъ сѣки
Вы мнѣ голову: — Послушай, ты вѣдь видишь самъ,
Что терпѣть нельзя ужъ дольше; пусть набавятъ намъ
За работу, а иначе—больше ни ногой
Въ мастерскую... Дядя Павелъ, ты у насъ старшóй,
И поэтому избрали мы тебя; ступай
Ты къ хозяину и прямо такъ и объявляй:
Плату, молъ, набавьте, или больше не хотимъ
Мы на васъ работать.—«Ладно, говорю я имъ—
Для товарищей стараться я готовъ и радъ...»
Господинъ судья! ни разу въ жизни баррикадъ
Я не строилъ, нравъ мой тихій и спокойный—но

Не помочь въ нуждѣ своимъ же очень мудрено...
И къ хозяину пошелъ я. Застаю его
За обѣдомъ, объясняю, кѣмъ и для чего
Присланъ я, про наше горе говорю ему:
«Такъ и такъ, Господь послалъ намъ лютую зиму...
Вздорожало все: квартиры, пища и дрова...
Чтò получишь за работу, то едва-едва
Достаетъ на пропитанье... Больше не въ терпежъ...
Ваша прибыль выростаетъ съ каждымъ годомъ... Что жъ!
Не грѣшно бъ и намъ прибавить, право не грѣшно...»
Онъ щелкалъ себѣ орѣшки, попивалъ вино,
Слушалъ, слушалъ, напослѣдокъ говоритъ мнѣ такъ:
«Ты, братъ Павелъ, честный малый; видно, не дуракъ
Тотъ, кѣмъ ты съ такою штукой посланъ былъ сюда...
Только вотъ что, другъ любезный: для тебя всегда
У меня открыто мѣсто; но друзьямъ своимъ
Ты скажи, что ни копѣйки не набавлю имъ.
Затворю я мастерскую, и тогда пускай
Управляются лѣнтяи, какъ хотятъ. Ступай».
Грустно голову понуря, я понесъ отвѣтъ...
Зашумѣли, завопили всѣ въ артели. «Нѣтъ!
Не пойдемъ работать больше!» Поклялись, и я—
Вмѣстѣ съ ними... Ахъ, повѣрьте, господинъ судья,
Врядъ ли кто нибудь межъ нами клялся безъ того,
Чтобъ душа въ немъ не изныла; врядъ ли у кого
Въ эту ночь глаза сомкнулись... Для меня ударъ
Былъ такой, такой тяжелый! ..Я ужъ очень старъ,
И кормилъ еще семейство... Ахъ, когда домой
Я вернулся, и внучата—старшій и меньшой—
Сѣли къ дѣду на колѣни—(дочь мою прибралъ

Богъ къ себѣ, а зять мой гдѣ-то безъ вѣсти пропалъ)—
И когда, смотря на этихъ бѣдненькихъ сиротъ,
Я подумалъ, что за дверью страшный голодъ ждетъ—
Стало стыдно мнѣ, что клятвой погубилъ я ихъ...
Но... другіе терпятъ, чѣмъ же лучше я другихъ?
Да притомъ, нашъ братъ рабочій клятвѣ никогда
Не измѣнитъ, хоть какая ни грози бѣда...
  Тутъ съ бѣльемъ вернулась съ рѣчки и жена моя,
Подъ тяжелой ношей сгорбясь... Боязливо я
Все сказалъ. Не осерчала бѣдная жена;
Только, голову понуря, долго въ полъ она
Все смотрѣла неподвижно, и такой отвѣтъ
Наконецъ дала: «Ты знаешь, лишней траты нѣтъ
У меня ни на копѣйку; буду я свое
Дѣло дѣлать; только нынче очень ужь житье
Трудно стало; хлѣба въ домѣ на недѣлю намъ
Кое-какъ еще, быть можетъ, хватитъ»...—«Ну, а тамъ,
Съ божьей помощью уладимъ дѣло, какъ нибудь»
Я сказалъ—у самого-же шибко ныла грудь:
Хорошо я зналъ, что горю нечѣмъ пособить—
Развѣ только согласиться клятвѣ измѣнить!..
  И пришла бѣда лихая... Господинъ судья!
Вѣрьте мнѣ, какъ передъ Богомъ, говорю вамъ я:
Въ самой горькой, лютой долѣ воромъ никогда
Я не сталъ бы, отъ одной ужъ мысли отъ стыда
Я бы умеръ... Въ тѣ минуты, видя предъ собой
Двухъ сиротъ-младенцевъ съ бѣдной, старою женой,
Посинѣвшими отъ стужи, безъ куска во рту,
Слыша стонъ и крики, всюду только нищету
Безысходную встрѣчая, самъ разбитый весь—

Я—клянусь святымъ распятьемъ, предстоящимъ здѣсь—
Я остался твердъ и честенъ; въ этой головѣ
Ни на мигъ не промелькнула мысль о воровствѣ!
Ни на мигъ!.. И если нынче гордость вся моя
Сокрушилась, если плачу передъ вами я,
Такъ вѣдь это оттого лишь, что передъ собой
Вижу я въ минуту эту образъ дорогой
Тѣхъ троихъ, изъ-за которыхъ поднялась рука
Сдѣлать то, за что сегодня судятъ старика!..
Ну, извольте слушать дальше. Все я заложилъ
До послѣдней нитки; дѣтокъ и жену кормилъ
Черствымъ хлѣбомъ, что̀ покамѣсть былъ еше у насъ,
И—сидѣлъ, сложивши руки. А вѣдь каждый часъ,
Проводимый нашимъ братомъ у себя въ дому—
Все равно, что птицѣ клѣтка. Привелось тюрьму
Мнѣ потомъ узнать, и, право, разницы-то я
Не замѣтилъ. Вамъ, быть можетъ, господинъ судья,
Непонятно, что̀ за пытка для рабочихъ рукъ—
Быть безъ дѣла противъ воли; тутъ, кажись, за стукъ
Молотка по наковальнѣ, копоть, жаръ и дымъ,
Распростился-бы сейчасъ же съ отдыхомъ своимъ!..
Такъ прошла недѣля съ лишнимъ. По городу я,
Какъ шальной, все это время бѣгалъ. Скорбь моя
Притуплялась, заглушалась вѣчной суетой
Шумныхъ улицъ. Разъ вернулся къ ночи я домой,
Вижу—держитъ двухъ малютокъ бѣдная жена,
Держитъ крѣпко и дыханьемъ грѣетъ ихъ она...
Я присѣлъ въ углу и думалъ: «Ты убійца ихъ!»
Тутъ моя старуха кротко, точно словъ своихъ
И сама она стыдилась, говоритъ: «Тюфякъ

Нашъ послѣдній я хотѣла заложить. . никакъ
Не берутъ... ужъ больно ветхій... Гдѣ же для дѣтей
Ты теперь добудешь хлѣба?» Я отвѣтилъ ей:
«Будетъ хлѣбъ», рѣшившись тутъ же съ завтрашняго дня
За работу снова взяться; зналъ я, что меня
Приметъ съ радостью хозяинъ; но сперва туда
Поспѣшилъ, гдѣ собирались подъ вечеръ всегда
Коноводы нашей стачки. Прихожу—и мнѣ
Показалося, что это вижу я во снѣ:
Пили здѣсь, въ то время пили, какъ другіе тамъ
Безъ куска сидѣли хлѣба! О, проклятье вамъ,
За вино платившимъ щедро, удлиняя тѣмъ
Пытку голода, на долю выпавшую всѣмъ!
Непривѣтный и суровый встрѣтилъ я пріемъ:
Видно, сразу прочитали на лицѣ моемъ,
Что́ приходъ мой значитъ. Этимъ не смутясь, повелъ
Къ нимъ я рѣчь такую: «Братцы! вотъ что вамъ пришелъ
Я сказать: шестой десятокъ стукнулъ мнѣ; въ годахъ
И жена; у насъ остались внуки на рукахъ;
Заложилъ я все, что̀ было; хлѣба ни куска
Въ домѣ нѣту... Будь одинъ я—ну, у старика
Горемычнаго такого много ль впереди?
Госпиталь, да гробъ сосновый... Больше ужъ не жди
Ничего... Но двое внуковъ, но жена моя
Такъ не могутъ оставаться—и рѣшился я
Снова взяться за работу; только не хотѣлъ
Не спроситься у артели, чтобъ никто не смѣлъ
Старика потомъ порочить... Братцы! у меня
Голова совсѣмъ сѣдая, руки отъ огня
Почернѣли, кузнецомъ я ровно сорокъ лѣтъ...

Разрѣшите отъ присяги... ужъ инаго нѣтъ
Мнѣ исхода... Попытался разъ пойти просить
Подаянья—нѣтъ, не въ силахъ. Это извинить
Надо старости. Притомъ же, знаете, когда
Провели на лбу морщины долгіе года
Нашей кузничной работы, и, прося грошей,
Ты протягиваешь руку сильную—ей, ей,
Дѣло жалкое выходитъ; смотрятъ на тебя
Какъ-то странно... Разрѣшите-жъ... Вѣдь не для себя
Я прошу... Для васъ не будетъ сраму, если тотъ,
Кто межъ васъ годами первый, первый и пойдетъ
Уступить... Позвольте, братцы!»
Тутъ одинъ кузнецъ
Подошелъ ко мнѣ нахально и сказалъ: «Подлецъ!»
Точно что-то оборвалось въ сердцѣ; кровь моя
Прилила къ гортани; дико взоръ уставилъ я
Въ человѣка, это слово кинувшаго мнѣ...
Это былъ высокій малый, блѣдный при огнѣ
Тусклой лампы, глупый щеголь, проводившій вѣкъ
На пирушкахъ и въ трактирахъ... Этотъ человѣкъ,
Подбоченясь нагло, зубы скалилъ на меня.
Остальные всѣ сидѣли, такъ мертво храня
Непривѣтное молчанье, что тревожный стукъ
Сердца былъ мнѣ ясно слышенъ... Вдругъ я сжалъ межъ
рукъ
Мой горячій лобъ и крикнулъ: «Ну, пускай семья
Пропадетъ голодной смертью! На работу я
Не пойду, но за обиду ты заплатишь—да,
Богъ свидѣтель! будемъ драться мы, какъ господа—
Драться здѣсь, сію минуту! Чѣмъ? Да молоткомъ!

Ближе шпагъ и пистолетовъ намъ вѣдь онъ знакомъ.
Вы, ребята—секунданты. Пара не одна
Молотковъ надежныхъ въ этой кучѣ чугуна
Вѣрно сыщется... Ну, живо, по мѣстамъ! А ты,
Ты, подлѣйшій оскорбитель честной нищеты,
Въ руку плюнь, долой рубашку—и ступай ко мнѣ!..»
Расчищая путь локтями, я пошелъ къ стѣнѣ,
Гдѣ валялись инструменты, выбралъ два большихъ
Молотка, и тотъ, который лучше былъ изъ нихъ,
Бросилъ гнусному мерзавцу. Онъ, хоть продолжалъ
Скалить зубы, но на всякій случай молотъ взялъ
И, ко мнѣ не приближаясь: «Полно—говоритъ—
Глупыхъ шутокъ мой желудокъ, знаешь, не варитъ...»
Я ни слова не отвѣтилъ—только шелъ и несъ,
Высоко поднявши, молотъ... Самый жалкій песъ
Подъ ударами нагайки смотритъ на того,
Кто стегаетъ безпощадно по спинѣ его,
Не съ такою униженной, рабскою мольбой
О пощадѣ, какъ презрѣнный трусъ-противникъ мой
Сталъ смотрѣть, понявъ, что вовсе не до шутокъ мнѣ...
И, ища себѣ защиты, задомъ онъ къ стѣнѣ
Прислонился... Но ужъ было поздно... Точно мгла
Кровяная насъ обоихъ разомъ облегла;
Все, что̀ было предо мною, скрылось въ эту тьму...
Я взмахнулъ—и сразу черепъ раскроилъ ему...
Знаю самъ, что я убійца; знаю, что судья
Оправдать меня не можетъ; и признаться, я
Не хотѣлъ бы, чтобъ напрасно для меня терялъ
Адвокатъ слова и время...
Мертвый, онъ лежалъ

На полу передо мною, въ лужѣ крови... Тутъ—
О, не дай Богъ и злодѣю этакихъ минутъ!—
Вдругъ я понялъ, что̀ я сдѣлалъ—и въ душѣ моей
Слово «Каинъ! раздавалось все сильнѣй, сильнѣй!
И подъ этимъ страшнымъ гнетомъ боли и стыда
Я закрылъ глаза руками... Подошли тогда
Боязливо двое—трое, чтобы взять меня...
«Нѣтъ, не нужно—я промолвилъ, тихо отстраня
Подошедшихъ,—обвиненье понесу мое
Самъ на судъ». И, снявши шапку, протянулъ ее
Со словами: «Для старухи, для внучатъ моихъ,
Люди добрые!» Набралось франковъ десять. Ихъ
Я съ товарищемъ отправилъ, самъ же—къ моему
Коммисару, а оттуда—прямо ужъ въ тюрьму...
Вотъ и все. Теперь извѣстна вамъ вина моя
До подробности послѣдней, господинъ судья,
И для васъ почти что лишнимъ дѣломъ будетъ знать,
Что́ желаютъ адвокаты обо мнѣ сказать;
Для меня же и подавно... Тотъ же госпиталь,
Гдѣ жену мою убила тяжкая печаль,
Взялъ теперь моихъ малютокъ. Стало быть, къ чему
Ни присудятъ—на галеры, иль на вѣкъ въ тюрьму,
Иль простить, на все, повѣрьте, холодно смотрю;
А на плаху поведете—поблагодарю.

П. Вейнбергъ.

Паукъ Магомета.

Въ тѣ времена, какъ Магометъ
Стада верблюдовъ пасъ въ пустынѣ,
Когда, смотря на солнца свѣтъ,
Блуждалъ онъ тихо по равнинѣ,
Прислушиваясь къ тишинѣ
Ея торжественной, глубокой—
Еще тогда, какъ бы во снѣ,
Своею мыслью одинокой
Противъ языческихъ началъ
Онъ возставалъ, коря ихъ строго,
И чуткимъ сердцемъ постигалъ
Величье истиннаго Бога.

Однажды, въ яркій лѣтній день,
Когда отъ солнечнаго зноя
Уйти въ живительную тѣнь
Стремилось жадно все живое,—
Въ пустынѣ Магометъ нашелъ
Отверстіе пещеры темной
И въ ней себѣ пріютъ обрѣлъ
Прохладный, тихій и укромный.

Войдя въ пещеру, онъ приникъ
Къ большому камню головою,
Закрылъ глаза и черезъ мигъ
Забылся сладкою дремою.
Но вскорѣ ихъ открылъ онъ вдругъ
И на руку взглянулъ брезгливо:
По ней огромнѣйшій паукъ
Всползалъ къ плечу его лѣниво.
Невольно на ноги вскочивъ,
Онъ паука поспѣшно скинулъ
И, въ страхѣ взоръ свой устремивъ
На гада, ногу ужъ закинулъ,
Чтобъ раздавить его скорѣй...
Но мысль мелькнула у Пророка:
«Зачѣмъ же? Въ области своей
Многообильной и высокой
И паука, быть можетъ, Богъ
На пользу сотворилъ вселенной...»
И на него уже не могъ
Онъ встать ногою дерзновенной.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало лѣтъ.
Подъ сѣнью новаго закона
Успѣлъ ужъ многихъ Магометъ
Соединить: мужья и жены,
Отцы и дѣти—старъ и малъ—
Всѣ преклонялись предъ Пророкомъ:
Отраду всякій обрѣталъ
Въ его ученіи высокомъ.
Ученики его, толпой

Идя въ далекую пустыню,
Несли, скрывая подъ полой,
Закона новаго святыню—
Начертанные на костяхъ
Стихи священнаго Корана:
Единый Богъ ихъ былъ Аллахъ,
Когда въ невѣдомыя страны
Отъ міра и людей они
Въ священномъ рвеньи удалялись.

А въ старой Меккѣ въ эти дни
Проклятья щедро посылались
Тому, кто былъ всему виной,
Кому народъ повиновался,
Кѣмъ предъ послушною толпой
Богъ неизвѣстный прославлялся.
Какъ ненавистенъ былъ онъ имъ—
Поборникамъ старинной вѣры—
Ученьемъ дерзностнымъ своимъ!..
Не зналъ ихъ гнѣвъ свирѣпый мѣры...
И чѣмъ противникъ кротче былъ,
Тѣмъ все сильнѣе возгорался
Ихъ дикой ненависти пылъ:
Когда въ народъ онъ появлялся,
Народъ во слѣдъ ему плевалъ
Въ тупомъ и дикомъ озлобленьи—
И Магометъ ужъ въ бѣгствѣ сталъ
Искать отъ гибели спасенья.

Но старцы Мекки, чтобъ Пророкъ
Не могъ вернуться къ нимъ и снова

Сердца народа не зажегъ
Огнемъ невѣдомаго слова,
Чтобъ задушить его—за нимъ
Въ погоню всадниковъ послали.

Межъ тѣмъ, со спутникомъ своимъ,
Блуждая по пустынной дали,
Пришелъ онъ наконецъ туда,
Гдѣ нѣкогда, въ былые годы,
Онъ пасъ послушныя стада
Среди безмолвія природы.
Пещеру онъ увидѣлъ тутъ,
Гдѣ нѣкогда, томимый зноемъ,
Онъ находилъ себѣ пріютъ
Съ прохладой, нѣгой и покоемъ.
Когда жъ они въ нее вошли,
Боясь погони неминучей,
И въ страхѣ нá землю легли,
Нежданно спасъ ихъ дивный случай.
Все было ясно слышно имъ:
Когда приблизилась къ пещерѣ
Погоня, голосомъ глухимъ
Промолвилъ кто-то: «Въ эти двери
Возможно ль было бы пройти,
Не разорвавши паутины?
Нѣтъ, намъ не скоро ихъ найти...»
И поскакали вдоль равнины.

Но кѣмъ же былъ Пророкъ спасенъ
Отъ гибели по волѣ рока?

Не тѣмъ ли, кто былъ пощаженъ
Когда-то самъ рукой Пророка?
Когда бы межъ пещерныхъ скалъ
Паукъ не сплелъ своихъ узоровъ,
Бѣглецъ напрасно бы искалъ
Укрыться отъ злодѣйскихъ взоровъ.
Его не обманулъ бы страхъ
Предъ этою погоней дикой...
Но спасъ во благости великой
Пророка своего Аллахъ.

Н. Позняковъ.

КОРМИЛИЦА.

I.

Сиротой она осталась рано
И служить по фермамъ начала.
Дни святыхъ Мартына и Ивана—
Дни, когда изъ каждаго села
Фермеръ-тузъ богатый и капризный,
Нарушая собственный покой,
Для найма себѣ прислуги мызной
На базаръ тащится городской.
Угодить легко ль такимъ персонамъ?
Но она, чуть вышла на базаръ—
Всѣ тотчасъ съ привѣтомъ къ ней, съ поклономъ:
Дорогой для нихъ она товаръ.
Молода, свѣжа, румянолица,
Весела, здорова и сильна,
На любой работѣ мастерица:
То прядетъ, то стряпаетъ она,
То бѣлье стираетъ, то для стада
Корму дастъ и вычиститъ въ хлѣву,
То пошьетъ, то на дорожкахъ сада

Выполетъ негодную траву.
Позже всѣхъ ложится; спозаранку,
Только свѣтъ забрезжетъ—на ногахъ.
Такъ она за лучшую служанку
Прослыла въ окрестныхъ деревняхъ.
А на счетъ любовныхъ дѣлъ? Объ этомъ
Тоже свѣтъ дурнаго ничего
Не слыхалъ. Но вотъ, запрошлымъ лѣтомъ,
Вдругъ она влюбилась въ одного
Молодца—кутилу; въ кирасирахъ
Прослужилъ онъ цѣлыхъ восемь лѣтъ,
Былъ смазливъ, героемъ слылъ въ трактирахъ,
Щегольски причесанъ и одѣтъ,
Свысока смотрѣлъ на деревенскихъ
И смущалъ всѣхъ юношей села
Тѣмъ, что здѣсь сердецъ не мало женскихъ
Красота его съ ума свела.
И когда она ему сказала:
«Я хочу, чтобъ ты мнѣ мужемъ былъ»—
Онъ слегка кобенился сначала,
Но потомъ умно сообразилъ,
Что хранитъ червонцы несомнѣнно
Гдѣ нибудь подъ тюфякомъ она
И что ихъ онъ можетъ постепенно
Превращать въ бутылочки вина.
Бракъ свершенъ. Такихъ проклятыхъ браковъ
Много есть, и роковой судьбой
Путь для всѣхъ начертанъ одинаковъ:
Брачный пиръ съ веселою гульбой,
Пять-шесть дней животной страсти, вскорѣ

Вслѣдъ за тѣмъ начало ссоръ и дракъ,
Домъ вверхъ дномъ, супругъ, бѣгущій «съ горя»
Отъ жены беременной въ кабакъ,
Нищета...

Но здѣсь еще похуже
Былъ конецъ: здѣсь тунеядца лѣнь
Съ звѣрствомъ пса соединилась въ мужѣ.
Родила̀ жена его; въ тотъ день
Въ домѣ все, отъ стула до теленка,
За долги схватили; но когда
Своего сосущаго ребенка
Негодяй увидѣлъ—безъ стыда
Онъ, смѣясь и потирая руки,
Думалъ: «Все теперь улажу я!»
Чтό ему вопль материнской муки?
Что̀ ему погибшая семья?
Это вздоръ! За то изба, скотина,
Старый скарбъ избѣгнутъ молотка:
Своего единственнаго сына
Кинетъ мать; вотще онъ молока
Будетъ ждать отъ материнской груди;
Эту грудь страдающая мать
Понесетъ теперь въ чужіе люди,
Какъ товаръ, за деньги продавать...
День-другой она не соглашалась
Уступить. Но лицемѣръ просилъ
Нѣжно такъ; въ душѣ его, казалось,
Поворотъ ребенокъ совершилъ;
Плакалъ онъ и каялся глубоко,
Говорилъ: «Теперь уже конецъ

Кутежамъ; отъ этого зарока
Ни на шагъ: вѣдь я теперь отецъ!
Голодать мальчишка нашъ не будетъ—
На рожокъ я посажу его;
А не то—къ сосѣдкѣ; не убудетъ
У нея здоровья отъ того;
Прокормить легко двумя грудями
Двухъ ребятъ»...
И кончилась борьба—
И пошла съ кровавыми слезами
Въ дальній путь кормилица-раба.

II.

О, сколько мукъ она пережила
Въ ту злую ночь, когда ее къ Парижу
Вагонъ помчалъ изъ милаго села!
Страдалица! тебя я вижу—вижу,
Какъ, прислонясь къ холодному стеклу,
Ты, слабая, больная, устремила
Недвижный взоръ въ осенней ночи мглу,
Холодную, глухую, какъ могила...
Вблизи кружокъ подвыпившихъ солдатъ—
Брань, пѣсни, смѣхъ, циническія шутки...
Что̀ въ нихъ тебѣ? Въ твоихъ ушахъ звучатъ
Призывныя стенанія малютки.
Онъ ищетъ мать, онъ тамъ одинъ, больной
Въ свой первый день корыстолюбьемъ плута
Отторгнутый ужъ отъ груди родной—
Отъ перваго житейскаго пріюта!..
Вотъ и Парижъ. Лакей ливрейный ждалъ

На станціи, и экипажъ на парѣ
Лихихъ коней въ богатый домъ примчалъ
Кормилицу. Въ роскошномъ будуарѣ
Лежала мать, обвивъ дитя рукой;
Онъ весь въ шелку и кружевахъ повитый,
Вокругъ него все радость и покой...
И этотъ видъ ей, горемъ ужъ убитой,
Ударилъ въ грудь отравленнымъ ножемъ.
Предъ ней—дитя въ сыромъ углу избушки
И крикъ его, неслышимый отцемъ,
Который спитъ мертвецки-пьянымъ сномъ,
Придя домой съ пріятельской пирушки...
Кормилица взяла барченка; пилъ
Онъ съ жадностью—былъ голоденъ ребенокъ.
Вошелъ отецъ; онъ носомъ покрутилъ,
Поморщившись отъ запаха пеленокъ.
—Bonjour, ma chère!.. А, вотъ ужъ и она!..
Чтὸ жъ, ничего... здорова, недурна...
—Ты думаешь? Отъ всей души я рада!
Теперь бы мнѣ подробности наряда
Искуснѣе придумать...—М-м-да... Но я
Оставлю васъ... я заваленъ дѣлами...
И вышелъ онъ, до пальчиковъ ея
Почтительно дотронувшись губами.
Какъ это все казалось чуждымъ ей,
Наемщицѣ; Какъ ясно понимала
Несчастная, что много горькихъ дней
Ея душѣ въ изгнаньи предстояло!
Ребенокъ былъ невзраченъ, слабъ и худъ;
Надъ бѣдною, тщедушною фигуркой

Стояла смерть отъ первыхъ ужъ минутъ!..
Въ собраніи, за шумною мазуркой
Присутствіе беременности мать
Замѣтила не безъ большой досады:
На милые балы не выѣзжать,
Оставить свѣтъ, блестящіе наряды—
Лишеніе жестокое!.. Когда
Пришла пора сказать объ этомъ мужу,
Онъ произнесъ съ сомнѣньемъ страннымъ: «Да?»
Но, спохватясь, что выпускать наружу
Сомнѣнія такія—не резонъ,
Когда жена имѣетъ денегъ много—
Растрогался и объявилъ, что онъ
Благодаритъ за эту радость Бога.

III.

Съ болѣзненнымъ младенцемъ, точно тѣнь,
По комнатамъ кормилица блуждаетъ
И съ трепетомъ надежды каждый день
Печальнаго изгнанія считаетъ.
Вокругъ нея такая пустота!
Такъ сумрачны большія залы эти!
Мать цѣлый день въ разъѣздахъ занята,
Отецъ въ судѣ, на биржѣ или въ свѣтѣ.
Здорово-ли, чтó дѣлаетъ дитя—
Имъ дѣла нѣтъ; порой лишь, на досугѣ,
Окончивши обѣдъ, супругъ, шутя,
Съ любезностью, проговоритъ супругѣ:
«Вашъ сынъ, ma chère, красавецъ»! И его
Онъ поиграть допуститъ зубочисткой,

Но матери совсѣмъ не до того:
Испортившей ея костюмъ модисткой
Она весьма разстроена съ утра;
На комплиментъ супружескій—ни слова,
А процѣдитъ сквозь зубы: «Ужъ пора
Ребенку спать». И мальчикъ въ дѣтской снова.
Но холодна, безстрастна ко всему
Страдалица. Что́ ей питомецъ хилый,
И чуждые ребенку своему
Отецъ и мать, и стонъ его унылый,
И прихоть баръ, рядящая ее
Въ какіе-то мудреные костюмы,
И съ челядью насмѣшливой житье?
Что̀ въ этомъ ей? Ея душа и думы
Тамъ, далеко; онѣ летятъ вослѣдъ
За письмами на родину—и жадно
Она все ждетъ, когда придетъ отвѣтъ;
И ей тогда такъ хорошо, отрадно.
Мужъ пишетъ: «Сынъ здоровъ и милъ, ростетъ
Онъ молодцемъ; но въ домѣ денегъ мало,
А кредиторъ сердито пристаетъ»...
И бѣдная съ восторгомъ цѣловала
Слова письма, въ которомъ лгали ей,
И отправлять все то домой спѣшила,
За что она, среди чужихъ людей,
Тяжелою неволею платила...

IV.

Прошла зима; въ концертахъ, вечерахъ,
Собраніяхъ дни весело летѣли.

А между тѣмъ больной ребенокъ чахъ,
И разъ, когда отецъ и мать стотрѣли
Дебютъ одной изъ оперетныхъ фей,
Онъ посинѣлъ и судорожно сжался,
И на рукахъ кормилицы своей
Чрезъ полчаса въ конвульсіяхъ скончался.
Вернувшись, мать нашла ужъ трупъ его,
И, побоясь явиться равнодушной,
Неслыханно трудилась для того,
Чтобы слезы добиться непослушной.

Кормилица ужъ больше не нужна.
Пять золотыхъ ей дали въ награжденье,
И снова въ путь отправилась она.
За то теперь какое нетерпѣнье
Ее влекло! Теперь къ своей груди
Она прижметъ вѣдь не чужаго сына!
Въ деревнѣ тамъ поздоровѣлъ, поди,
На славу онъ!.. И свѣтлая картина
Въ ея глазахъ. Свинцовый свѣтъ небесъ,
Глухая степь, одѣтая снѣгами,
Замерзшій прудъ и обнаженный лѣсъ—
Все для нея весенними цвѣтами
Окрашено... Ужъ близко, близко... Звонъ,
Какъ тихій зовъ изъ церкви доносился...
Вотъ и свистокъ—и, запыхтѣвъ, вагонъ
На станціи съ толчкомъ остановился.
Конецъ всему!.. Но отчего же тутъ
Такъ холодно? Зачѣмъ такъ полонъ злобы
И горечи вой вѣтра? Что́ встаютъ

Зловѣщими видѣньями сугробы?
Зачѣмъ здѣсь все такъ мрачно и мертво,
Вселяя страхъ, ничѣмъ неодолимый,
Въ трепещущую душу? Отчего
Враждебпо такъ встрѣчаетъ край родимый?

Спустилась ночь. Деревня спитъ давно,
Лишь слышится печальный вой собаки,
Да въ кабакѣ еще освѣщено,
И хриплый крикъ веселаго гуляки
На улицу несется... И она
Вдругъ затряслась, поднялся дыбомъ волосъ,
Стоитъ, какъ смерть недвижна и блѣдна...
Несчастная узнала этотъ голосъ!
Да, это онъ!.. Такъ, значитъ, гнусный плутъ
Безстыдно лгалъ! Такъ значитъ, клятвѣ скоро
Онъ измѣнилъ! Онъ пьетъ, гуляетъ тутъ,
А тамъ дитя безъ пищи, безъ надзора!..
И внѣ себя, дрожа, къ избѣ своей
Она бѣжитъ по улицѣ пустынной...
Дверь отперта... Какъ здѣсь темно!.. Скорѣй,
Скорѣй огня!... И страшною картиной,
Какъ молніей, глаза поражены...
Въ избѣ сырой, нетопленой и грязной
Разбитый штофъ, объѣдки ветчины—
Недавній слѣдъ попойки безобразной;
А тамъ, въ углу, изломана, грязна,
Ночной пріютъ паршиваго котенка,
Валяется умершаго ребенка
Убогая кроватка...

И она
Упала навзничь. Жертва свершена.

V.

Съ тѣхъ поръ, въ дому умалишенныхъ,
Сидитъ больная—молода,
Но голова ея сѣда;
Въ глазахъ сухихъ и раскаленныхъ
Тревожный взглядъ; она ногой
Пустую колыбель качаетъ
И къ тощей груди прижимаетъ
Ребенка призракъ дорогой.

П. Вейнбергъ.

ЛАСТОЧКА БУДДЫ.

Утѣшивъ міръ ученіемъ своимъ,
Въ таинственной пещерѣ онъ укрылся
И, навсегда оставшись недвижимъ,
Въ торжественномъ молчаніи молился
Онъ небесамъ, простерши руки къ нимъ:
Такъ Будда жилъ въ своемъ уединеньи,
Объятый весь восторженной мечтой
И, волю давъ нѣмому восхищенью,
Въ небытіи святомъ обрѣлъ покой.
Прошли вѣка—и истощилось тѣло
Отшельника; оно окостенѣло,
А по его изсохнувшимъ бокамъ
Карабкались ліаны тутъ и тамъ.
Въ глазахъ его живаго выраженья
Но искрилось. Казалось, въ изнуреньи
Отъ голода давно бы долженъ онъ
Погибнуть былъ, когда бы щебетуньи
Веселыя, небесныя пѣвуньи,
Отшельника любя, со всѣхъ сторонъ
Къ убѣжищу его не прилетали
И на уста поблекшія плодовъ
Древесныхъ и земныхъ не опускали.

Такъ въ далекѣ отъ міра, безъ грѣховъ
И безъ страстей жилъ Будда. Серебрила
Среди ночей луна ему чело,
А солнце днемъ лучами золотило
И вмѣстѣ съ тѣмъ его нещадно жгло.
И сколько разъ румянаго заката
Свидѣтелемъ былъ Будда! Сколько разъ
Безмолвно онъ встрѣчалъ восхода часъ!
Но никогда душа его объята
Сторонними мечтами не была;
Одну мечту ненарушимо, свято
Въ себѣ таить душа его могла.
Ничтожество, небытіе, нирвана—
Вотъ та мечта.
Его не развлекла
И ласточка, что̀ какъ-то утромъ рано,
Отъ холодовъ спасаяся на югъ,
Изъ дальнихъ странъ поспѣшно прилетѣла
И на одной изъ распростертыхъ рукъ
На мигъ одинъ лишь отдохнуть присѣла,
Потомъ же въ ней гнѣздо себѣ свила...
И тѣмъ она его не развлекла,
Что съ той поры не проходило года,
Чтобъ—только лишь становится погода
На сѣверѣ далекомъ холоднѣй—
Она опять къ нему не прилетала,
Гдѣ въ хижинѣ затѣйливой своей
Пріютъ сухой и теплый обрѣтала

За годомъ годъ, прошло немало лѣтъ,

И вотъ опять уже зима настала.
А ласточки все нѣтъ еще какъ нѣтъ...
Томительно тянулись дни за днями...
О, неужли!.. Но вотъ уже истекъ
Для сѣверныхъ изгнанницъ крайній срокъ,
И Гималай окутался снѣгами...
Да, понялъ все—все понялъ Будда тутъ
И, оцѣнивъ погибель роковую,
Онъ посмотрѣлъ на ласточкинъ пріютъ,
Онъ на руку взглянулъ свою пустую...
И на его померкнувшихъ глазахъ,
Давно уже къ землѣ не обращенныхъ
И знойными лучами утомленныхъ,
Блестящими въ лазурныхъ небесахъ—
Двѣ чистыя, какъ перлъ, слезы повисли...
Заплакалъ тотъ, кто чувства всѣ и мысли
Свои давно отъ жизни отучилъ,
Кто отъ нея бѣжалъ и посвятилъ
Всего себя мечтѣ своей глубокой,
Въ небытіе безмолвно погруженъ...
Надъ гибелью изгнанницы далекой,
Какъ малое дитя, заплакалъ онъ...

Н. Позняковъ.

Продавщица Газетъ.

I.

«*La France! La Liberté!*—Газеты, господа,
Извольте покупать!»
На крики продавщицы
Я каждый разъ, какъ мнѣ въ томъ уголкѣ столицы
Случалось проходить, сворачивалъ всегда
Къ убогой лавочкѣ и покупалъ газету,
Чтобъ на ходу прочесть... не потому, что я—
Политикъ пламенный—я къ этому предмету
Скептично отношусь—а просто тутъ моя
Привычка старая: берешь по машинальной
Потребности листокъ, чтобъ справиться, дадутъ
Министровъ новыхъ намъ чрезъ нѣсколько минутъ,
Или у прежнихъ мы въ опекѣ подначальной
Останемся пока...
«Газеты, господа!
La France! Le Moniteur!»
И юркая старуха

Кричитъ и мечется, суетъ туда, сюда—
Все въ одинаковомъ расположеньи духа—
Листы и листики всѣхъ партій и цвѣтовъ...
    Когда я подходилъ, она меня частенько
Встрѣчала весело:—«А, вотъ и вы! Поздненько:
Ужъ все распродано... Осталось нумеровъ
Пять-шесть *Pays* и *Temps*... Что жъ! Сами виноваты.
У насъ вѣдь шибкій сбытъ, вы знаете, всегда,
Чуть только межъ собой повздорятъ депутаты,
Вотъ какъ вчерашній день... Или пойдетъ когда
Молва, что новые готовятся министры...»
    Порою я вступалъ еще въ бесѣду съ ней.
Мнѣ нравились и взглядъ ея прямой и быстрый,
И рѣчь разумная:
                    — «Ахъ, ныньче бойкихъ дней
Немного у меня: пора глухая—лѣтомъ;
Палаты заперты, Парижъ какъ вымеръ весь—
И, значитъ, не о чемъ писать большимъ газетамъ;
А въ маленькихъ—«суды», да кой-какая «смѣсь».
У васъ, господъ, у всѣхъ купанья, да охоты,
Да воды всякія... Не будь гризетки, (ей
Безъ фельетончика газеточки своей
И день прожить нельзя), совсѣмъ бы безъ работы
Сидѣлъ нашъ братъ... Ахъ, да, хоть это грустно... но...
Коль преступленья нѣтъ особенно большаго,
Бумагу эту всю сбыть, право, мудрено...
Храни меня Господь—желать грѣха такаго...
Да только... Помните, процессъ былъ Биллоаръ?
Вотъ то-то, Боже мой, шелъ ходко нашъ товаръ!
Въ ту пору, какъ пошли всю эту грязь печатать,

Мнѣ было плохо: все, что удалось припрятать
За время прежнее—истратилось; и вотъ,
Недѣли съ три всего я столько, сударь, сбыла
Однихъ *«съ картинками»*, что сразу заплатила
Большой квартирный долгъ. Да здѣсь еще разсчетъ
Случайный: эдакихъ процессовъ въ годъ едва ли
Найдется парочка... А вотъ ужъ что моя
Разъ двадцать вѣрная доходная статья—
Такъ это шумъ и гвалтъ у тѣхъ господъ въ Версали... *)
Тутъ только поспѣвай!... И оттого всегда,
Какъ на зиму себѣ дрова я закупаю,
То сроки платежа не раньше назначаю,
Какъ къ первой сессіи—и тутъ ужъ никогда
Не лопнетъ мой разсчетъ..»
Всѣ эти разсужденья
Я слушалъ, думая: «Не странно ль: чтобъ могла
Старуха бѣдная вести свои дѣла
Съ грошовой прибылью, должны иль преступленья
Свершаться крупныя, иль шумная возня
Въ палатѣ дѣлаться!...» Курьезнымъ для меня
Казалось, что трезвонъ во всѣхъ углахъ печати
Убогой женщинѣ насущный хлѣбъ давалъ,
И эти крики всѣ, и этотъ весь скандалъ
Хоть то хорошее имѣли въ результатѣ,
Что въ государственномъ громадномъ кораблѣ,
Кидаемомъ, какъ мячъ, политики волнами,
Бѣдняга жить могла, какъ мышь между стѣнами
Судна «Левіафанъ» живетъ въ своемъ углѣ.

*) Дѣйствіе происходитъ послѣ коммуны, когда мѣстопребываніе французскаго правительства было въ Версали.

*

II.

Однажды вечеромъ—тогда ужъ наступила
Холодная пора—въ убогой будкѣ я
Увидѣлъ мальчика, и вся душа моя
При взглядѣ на него болѣзненно заныла.
Онъ былъ лѣтъ девяти, худъ, блѣденъ, изнуренъ,
Одѣтъ весь въ черное; съ моей старухой рядомъ
Сидѣлъ онъ, съежившись на стульчикѣ, и взглядомъ
Чахоточнымъ смотрѣлъ въ потертый лексиконъ.
—«Откуда—я спросилъ,—ребенка вы достали?»
И гордо мнѣ она отвѣтила:—«Мой внукъ!
Онъ въ школѣ учится... охотникъ до наукъ
И первый ученикъ!»—«Чудесно! И прислали
Его родители къ вамъ погостить?»—«Ахъ, нѣтъ!
Онъ въ черномъ, видите... сиротка съ первыхъ лѣтъ...
Бѣдняжка дочь моя въ родахъ скончалась... Вскорѣ
За ней и мужъ ея (вѣдь ужъ всегда гдѣ горе,
Тамъ и другое вслѣдъ...). Лудилъ онъ зеркала—
А отъ проклятаго такаго ремесла
Недолго проживешь, коли ты не желѣзный:
Ртуть—штука скверная!..»
«—Не хочешь ли, любезный,
Лошадку?»—я спросилъ у мальчика, и онъ
Съ моей монетою помчался за игрушкой;
А я возобновилъ бесѣду со старушкой:
—«Здоровъ ребенокъ вашъ?»
Болѣзненный, какъ стонъ,
Вздохъ вырвался у ней—«Вотъ въ этомъ-то и мука
Великая моя!.. Ахъ, не проходитъ дня,

Повѣрьте, безъ того, чтобъ, глядючи на внука,
Не надрывалося все сердце у меня...
Нѣтъ, очень хворый онъ!.. Да вы взгляните сами:
И щеки впалыя, и сине подъ глазами...
Точь въ-точь его отецъ.!. Онъ кашляетъ, не спитъ,
Почти совсѣмъ не ѣстъ... Мнѣ докторъ говоритъ,
Что это къ росту все... Дай Господи!... Ребенокъ
Такой вѣдь миленькій... послушенъ, какъ ягненокъ...
А учится-то какъ: всегда въ отмѣткахъ плюсъ!..
И если бъ не болѣзнь... Охъ, до смерти боюсь,
Что скверно кончится!»—«Не унывайте, дѣло,
Дастъ Богъ, поправится!»—я утѣшалъ несмѣло
Старуху бѣдную.—«Хоть тѣмъ довольна я,—
Она отвѣтила,—что хорошо моя
Торговлишка идетъ, и мой Жозефъ не знаетъ
Ни въ чемъ себѣ нужды... Когда жъ по временамъ
Придется тяжело, Господь поможетъ намъ...
Вотъ года три назадъ—совсѣмъ ужъ умираетъ,
Я думала, дитя, а докторъ прописалъ
Все дорогихъ лекарствъ... Какъ разъ въ минуту эту
Случилось полетѣть Дюфура кабинету—
И заработокъ мой такъ подыматься сталъ,
Что внучку милому все накупить могла я...
Не меньше мнѣ дало шестнадцатое мая:
Мы сдѣлали тогда и обувь, и бѣлья...
А вотъ какъ маршалу отставку дали—я
Красавцу моему костюмчикъ новый сшила».

Приходомъ мальчика прервался разговоръ,
И я оставилъ ихъ... Но сердце мнѣ щемила

Глубокая тоска, и долго съ этихъ поръ
Не могъ я позабыть романъ немногосложный
Больнаго мальчика и бабушки его...
Пришлось уѣхать мнѣ сейчасъ послѣ того
Въ провинцію—и тамъ мой интересъ ничтожный
Къ дѣламъ политики всегда бывалъ живѣй,
Когда я вспоминалъ оставленныхъ друзей,
Привыкнувъ ужъ теперь согласовать сужденья
Свои въ политикѣ лишь съ узкой точкой зрѣнья
Ихъ бѣдной лавочки. И каждый разъ, какъ мнѣ
Газетный репортеръ описывалъ дебаты,
Въ которыхъ, рвеніемъ пылая, депутаты
Почти передрались—я, въ сельской тишинѣ
Читая рѣчи ихъ и длинныя тирады,
Гдѣ часто синтаксисъ страдалъ еще сильнѣй,
Чѣмъ здравый смыслъ простой—мечталъ не безъ отрады:
Все это Богъ даетъ для бабушки моей...

III.

Вернувшись, я узналъ, что мальчикъ умеръ вскорѣ,
Какъ мы разстались съ нимъ. Старуху злое горе
Совсѣмъ разрушило.
—«Ахъ, добрый господинъ,—
Рыдая тяжело, она мнѣ говорила;—
Вѣдь онъ на всей землѣ былъ у меня одинъ!...
Въ мои года терять того, кого кормила,
Ростила, холила—охъ, страшно тяжело!...
Да слава Богу, мнѣ ужъ остается мало
На свѣтѣ маяться: и память отняло,
И еле двигаюсь, и все противно стало...

Коли до этихъ поръ, какъ волъ, трудилась я,
Такъ это только вѣдь для ангельчика-внука...
Ну, а теперь зачѣмъ? Кому теперь моя
Работа въ прокъ пойдетъ?.. Ахъ, поскорѣй бы мука
Окончилась... Надняхъ мой старый покупщикъ,
Такой почтеннѣйшій, участливый старикъ,
Сказалъ, что помѣстить меня въ пріютъ онъ можетъ...
Что жъ, тамъ я и умру, коли Господь поможетъ».

Свинцомъ на сердце мнѣ упалъ ея разсказъ...
Чѣмъ могъ отвѣтить я на вопль многострадальный?
Чѣмъ могъ я облегчить удѣлъ ея печальный?
Ничѣмъ, увы, ничѣмъ... И послѣ, каждый разъ,
Какъ мнѣ туда зайти случалось за газетой,
Я оставался нѣмъ предъ страшной скорбью этой...

Въ ту пору бурный мы переживали часъ:
Металось бѣдное правительство у насъ
Въ полнѣйшемъ кризисѣ... Всѣ органы печати
И всѣ «политики» запѣли въ униссонъ:
«Прекрасно! Кабинетъ низвергнутъ очень кстати!
Давно была пора—совсѣмъ негоденъ онъ:
Морель былъ слишкомъ старъ, Моренъ комиченъ просто,
Для взятокъ у Моро была раскрыта дверь,
Моранъ воображалъ, что для такаго поста
Его самъ Богъ избралъ... За то теперь, теперь!..
Дюпонъ краснорѣчивъ; Дюранъ, хотя отчасти
Безнравственный и двумъ присягамъ измѣнилъ,
Но умъ большой; Дюфоръ и увлеченьямъ страсти,
И всѣмъ порокамъ чуждъ; а Дюпюи такъ милъ,

Такъ симпатиченъ всѣмъ; для счастія народа
Все Дюбуа отдастъ... Порядокъ и свобода—
Вотъ въ чемъ программа ихъ... О, да, сомнѣнья нѣтъ,
Безукоризнененъ нашъ новый кабинетъ!..»
И, словомъ, истиной признали всѣ безспорной,
Что группою Морель—Моренъ—Моранъ—Моро
Губилось все у насъ: законъ, прогрессъ, добро;
Что Францію она дорогою позорной
Вела къ погибели... Тогда какъ съ этихъ поръ,
При комбинаціи Дюпонъ—Дюранъ—Дюфоръ,
Начнетъ преуспѣвать блистательно въ отчизнѣ
Все въ государственной и въ соціальной жизни...
Дюпона я знавалъ: милѣйшій господинъ!..
Притомъ, себѣ теперь ужъ дѣлалъ я упреки,
Что столь великіе вопросы такъ далеки
Мнѣ были до сихъ поръ: какой же гражданинъ
Я послѣ этого?... И новымъ кабинетомъ
Занялся живо я, со всѣми наравнѣ,
И также находилъ въ составѣ новомъ этомъ
Большія прелести... Чего еще странѣ,
Дѣйствительно, желать? Онъ либераленъ въ мѣру,
Консервативно-трезвъ—ну, словомъ, идеалъ!..
И скоро съ жаромъ я въ гостинныхъ излагалъ
Во всѣхъ подробностяхъ систему, духъ, манеру
Моихъ правителей...
Прошло недѣль пять шесть—
И кабинетъ слетѣлъ...
Услыша эту вѣсть,
Я вышелъ изъ себя... Что жъ наконецъ такое

Творится? Ужъ когда мы не могли въ покоѣ
Сидѣть съ прекраснѣйшимъ правительствомъ такимъ,
Столь много дѣлавшимъ къ своей и къ нашей чести—
Мы, значитъ, никакихъ правительствъ не хотимъ...
Въ тотъ самый вечеръ, я, сгорая жаждой—вѣсти
Новѣйшія узнать, къ газетчицѣ своей
Зашелъ—и опоздалъ: все было ужъ у ней
Распродано... Но какъ я сильно изумился,
Взглянувъ на старую знакомую: она
Сіяла радостью, къ ней снова возвратился
Тотъ видъ, что̀ я встрѣчалъ въ былыя времена,
Когда ребенокъ жилъ... «Ты жадная старуха—
И больше ничего: изъ-за своихъ грошей
Забыла про дитя»!—подумалъ я о ней
Въ своемъ озлобленномъ расположеньи духа...
Но взглядъ мой бабушка тотчасъ же поняла:
—«Вамъ странно,—говоритъ,—что такъ я весела
Отъ крупныхъ барышей? Ахъ, добрый сударь, вѣрьте—
Самой мнѣ ничего не нужно, кромѣ смерти...
Но чтобъ для внука мнѣ могилочку купить
На вѣки вѣчные, пришлось занять деньжонокъ.
Коли бъ не эти дни, такъ нечѣмъ бы платить...
За то взглянули бъ вы, какъ славно мой ребенокъ
Лежитъ въ томъ уголкѣ!... Цвѣты, цвѣты вокругъ—
Ну, настоящій садъ!... Чуть маленькій досугъ
Найдется у меня, хожу туда молиться...
Ахъ, очень дорого все это стоитъ мнѣ;
Но видя, какъ *ему* уютно въ тишинѣ,
Въ цвѣтахъ и зелени, я думаю, что длится,
Когда меня и нѣтъ, молитва тамъ моя!»

Несчастной женщинѣ сжалъ крѣпко руку я,
За недостойное краснѣя подозрѣнье.
И съ этихъ поръ всегда, какъ трескъ и звонъ газетъ
Объявитъ, что слетѣлъ такой-то кабинетъ,
Мнѣ это «бѣдствіе» приноситъ утѣшенье:
Я знаю, въ эти дни безумной суеты
На гробѣ мальчика есть свѣжіе цвѣты!..

П. Вейнбергъ.

ВАСИЛЕКЪ.

Давно, давно на Рейнѣ жилъ баронъ,
Несмѣтными богатствами владѣвшій,
Но скупости жестокой; за нее
Его кляли и слуги, и вассалы,
И весь народъ. Когда-то у него
Была жена, изъ рукъ которой щедро
Лились дары на бѣдныхъ, и больныхъ,
И страждущихъ. Но ангелы недолго
Гостятъ у насъ: ихъ Богъ даетъ взаймы
На нѣсколько прекрасныхъ дней—и снова
Беретъ къ себѣ... Баронова жена
Оставила послѣ себя однако
Свидѣтеля своихъ прекрасныхъ дѣлъ
И яркое о нихъ воспоминанье—
Ребенка дочь. Теперь ужъ Васильку—
Такъ прозвали красавицу—минуло
Пятнадцать лѣтъ, и молодость ея,
Какъ маленькій колибри, залетѣвшій
Въ гнѣздо совы, вносила свѣтъ и жизнь
Въ холодное и мрачное жилище.

Старикъ баронъ, пока была жива
Его жена, себя еще немного
Удерживалъ; а умерла—онъ сталъ
Еще мрачнѣй, еще жистокосердѣй,
И каждый день съ разсвѣтомъ уѣзжалъ
Въ дремучій лѣсъ, въ сопровожденьи только
Конюшаго, на соколиный ловъ.
Дочь Василекъ, любя отца, не смѣла
Его винить; но очень грустны ей
Казались дни въ стѣнахъ суровыхъ замка
Пустыннаго, гдѣ даже въ Рождество
Ничья рука огня не разводила.
По временамъ, чтобъ коротать часы,
Она себѣ выкраивала платье
Изъ выцвѣтшихъ матерчатыхъ кусковъ,
Въ которые рядилась баронесса
Въ былые дни—затѣмъ что не давалъ
Скупой отецъ бѣдняжкѣ ни копѣйки
На туалетъ. Онъ даже, вопреки
Торжественнымъ обѣтамъ при кончинѣ
Своей жены, въ храмъ божій пересталъ
Совсѣмъ ходить, увѣренный, что встрѣтитъ
На паперти страшилище свое—
Пять-шесть калѣкъ, просящихъ подаянья...
А Василекъ ихъ тоже не могла
Ничѣмъ дарить, въ глаза не видя даже
Монеточки малѣйшей... И у ней
Такъ тяжело на сердцѣ становилось,
И вздохъ такой болѣзненный летѣлъ
На небеса, когда ей предстояло

Передъ рукой простертою пройти—
И ничего не положить въ ту руку!..
Особенно по воскресеньямъ. Тутъ
На всемъ пути изъ церкви въ старый замокъ,
Встрѣчались съ ней, бѣжали вслѣдъ за ней
Лишь старики, да женщины съ грудными
Младенцами, да бѣдные слѣпцы,
Увѣчные, калѣки. И кричало
Все это ей о болѣстяхъ своихъ,
О нищетѣ... Старухи присѣдали
Предъ барышней, ребята поцѣлуй
Ей дѣлали ручонкой—и бѣдняжка,
На языкѣ своемъ не находя
Отказа словъ, поспѣшно проходила,
Потупивъ взоръ, краснѣя отъ стыда,
И дома ужъ давала волю горькимъ
Своимъ слезамъ...
Въ одинъ изъ дней такихъ
Красавица—то было время жатвы—
Увидѣла, изъ церкви выходя,
На паперти такъ много всякихъ нищихъ,
И все такихъ истерзанныхъ, больныхъ,
Пришибленныхъ, что не хватило духу
У Василька—не только мимо ихъ
Направиться, но даже взглядъ ихъ встрѣтить.
И вспомнила она, что выходъ есть
Еще одинъ—калитка прямо въ поле
Изъ ризницы. Смущенная, въ слезахъ,
Она уже порогъ переступила
И двинулась по новому пути—

Когда предъ ней явилась вдругъ старушка,
Въ холстинковомъ нарядѣ, въ башмакахъ
Изъ дерева и въ чепчикѣ высокомъ
Прабабушекъ, рукою опершись
На посошокъ.—«Дитя мое,—сказала
Привѣтно незнакомка,—воротись
На прежній путь, и что бы ни попалось
Тебѣ на немъ, все нищимъ подавай,
Не совѣстясь. Даянья, вѣрь мнѣ, красить
Не самый даръ, а ласка, доброта,
Съ какой даютъ; радушнымъ, нѣжнымъ словомъ,
Участливой улыбкой много золъ
Смягчаемъ мы и много осушаемъ
Горючихъ слезъ. Преодолѣй свой стыдъ—
И не одно благословенье бѣдныхъ
Услышишь ты». Старушкѣ Василекъ,
Понявшая тотчасъ же, что предъ нею
Волшебница, отвѣтила, присѣвъ
Почтительно, что пренебречь такими
Хорошими совѣтами грѣшно—
И повернувъ, обычною дорогой
Пошла домой. Тѣмъ временемъ уже
Всѣ нищіе и остальные люди
Поразбрелись—и Василекъ была
Совсѣмъ одна...

Съ какой-то безотчетной
И сладкою надеждой, на ходу
Она цвѣты степные собирала
Въ большой букетъ—когда на встрѣчу ей
Направилась смиренно, боязливо

И вся въ слезахъ, крестьянка, до того
Сидѣвшая на камнѣ у дороги.
—«Ахъ, барышня-красавица!—она
Промолвила, протягивая руку,—
Вы сжалитесь надъ бѣдною вдовой!..
Уже давно я въ жатвенную пору
Питаюсь тѣмъ, что собираю хлѣбъ,
Какой въ поляхъ не сжатымъ побросаютъ
Баронскіе вассалы... Нынче жъ я
Была больна—и вотъ сюда добралась
Послѣднею, когда ужъ въ полѣ нѣтъ
Ни зернышка... Подайте, ради Бога,
Хоть что нибудь!...»—«Увы!—ей Василекъ
Отвѣтила,—ни гроша не имѣю
Я въ сумочкѣ, но вотъ вамъ мой букетъ,
И добраго навѣрно человѣка
Найдете вы, который за него
Поможетъ вамъ.» Съ печальнымъ недовѣрьемъ
Крестьянка улыбнулась, но взяла
Убогій даръ—и вдругъ букетъ—о чудо
Волшебное!—громаднымъ сталъ снопомъ
Чудеснѣйшихъ колосьевъ, заблестѣвшихъ
Какъ золото, на солнышкѣ... Вдова,
Оторопѣвъ отъ изумленья, счастья,
Дрожащами руками въ фартухъ свой
Сбираетъ хлѣбъ—а Василекъ, понявши,
Что это все конечно—дѣло рукъ
Волшебницы, и радостью сіяя,
Спѣшитъ впередъ лѣсною чащей. Здѣсь
Она опять изъ полевыхъ цвѣточковъ

Плела вѣнокъ, въ мечтанья погрузясь
О матушкѣ-покойницѣ, о доброй
Волшебницѣ, о чудѣ, передъ ней
Свершившемся—и видитъ: блѣдный мальчикъ,
Весь въ рубищѣ, испуганно дрожа,
Стоитъ въ кустахъ... И шепчетъ онъ чуть слышно:
—«Ахъ, барышня-красавица! Съ зимы
Я сирота... Остался только съ бабкой
Старухою... Работалъ-бы—никто
Не хочетъ брать: «ужъ больно малъ ты» всюду
Мнѣ говорятъ... И бабушка моя
Теперь лежитъ больная и безъ хлѣба
Въ разрушенной избушкѣ»...—«У меня
Нѣтъ ничего,—сироткѣ отвѣчала
Красавица;—но вотъ тебѣ вѣнокъ—
Отдай его тому, кто вамъ поможетъ».
Ребенокъ взялъ—и вдругъ въ его рукахъ
Огромный хлѣбъ, горячій, сдобный, мягкій,
Ну, просто объядѣнье!.. Мальчикъ весь
Ошеломленъ, а Василекъ скорѣе
Опять впередъ, и видя на пути
Кустъ чудныхъ розъ, одну изъ нихъ срываетъ
Себѣ въ нарядъ... Чрезъ нѣсколько минутъ
Вновь встрѣча ей: подъ деревомъ, на камнѣ
Сидитъ солдатъ, на саблю оперщись,
Измученный, страдающій, съ повязкой
На головѣ, и сквозь нее порой
Сочится кровь... Онъ раненъ и плетется
Съ войны домой... И говоритъ старикъ:
—«Ахъ, барышня-красавица! Былъ длиненъ

Мой переходъ .. я до смерти усталъ,
А путь далекъ... Стаканъ вина, я знаю,
Вновь на ноги поставилъ бы... Но пустъ
Кувшинчикъ мой. Коли бъ его наполнить
Вы сбѣгали въ сосѣднее село—
Трудъ не великъ! — за васъ бы помолился
Старикъ-солдатъ»...—«Сейчасъ-же побѣгу;
Но до села далеко... вы, пожалуй,
Соскучитесь—такъ вотъ товарищъ вамъ!»
И воину даетъ малютка розу.
Съ улыбкой онъ цвѣтокъ роскошный взялъ
Мозолистой и черною рукою;
Но въ тотъ же мигъ не роза передъ нимъ,
А влагою янтарной, искрометной
Наполненная чаша!..
Въ этотъ день
Подобныхъ встрѣчъ ужь не случилось больше
У Василька; но диво ль, что молва
Стоустая тотчасъ же протрубила
О чудесахъ и что узналъ о нихъ
Старикъ-баронъ?.. Съ охоты возвратившись,
Вассаловъ всѣхъ засталъ онъ въ сборѣ здѣсь,
И всѣ ему съ волненіемъ спѣшили
Поразсказать о чудѣ со снопомъ,
И съ чашею, и съ булкой... Сомнѣваться
Не можетъ онъ: не сказка это, нѣтъ—
Всѣ говорятъ... И скаредная жадность
Взыграла въ немъ... Убогій ужинъ свой
Кой-какъ доѣвъ и съ дочерью оставшись
Наединѣ, онъ ласково ее

Привлекъ къ себѣ и началъ:— «Поздравляю,
Голубчикъ мой: какъ видно, родилась
Въ сорочкѣ ты. Извѣстно мнѣ, какою
Чудесною способностью тебя
Волшебница сегодня наградила,
И хочется мнѣ въ этомъ самому
Увѣриться: какой нибудь подарокъ
Ты сдѣлай мнѣ, и мы увидимъ, чѣмъ
Въ моей рукѣ онъ станетъ». Испугалась
Дочь этихъ словъ. «Отецъ мой!—говоритъ—
Не гнѣвайтесь... но, право, это дѣло
Опасное: чудесный даръ мнѣ данъ
Лишь для того, чтобъ помогать несчастнымъ,
Отнюдь не съ тѣмъ, чтобъ пополнять добро
Фамильное»...—«Пустыя возраженья!
Ребячество! Вѣдь только испытать
Хотѣлъ бы я... Вотъ у тебя на шеѣ
Свинцовая медалька—дай ее.
Тутъ худшее, чѣмъ мы съ тобой рискуемъ—
Что все-таки останется она
Такою же ничтожною вещицей.
Но ежели вдругъ выйдетъ изъ нея
Какой-нибудь уборецъ полновѣсный
Изъ золота, коли еще притомъ
И съ цѣнными камнями—значитъ, сила
Твоихъ чудесъ пригодна можетъ быть
И намъ съ тобой»....
Боясь перечить дольше,
Свинцовую медальку Василекъ
Даетъ ему; но въ тужъ минуту вскрикнулъ

Отъ ужаса корыстный скряга: онъ
Держалъ въ рукѣ чудовищную жабу,
Поганую и злющую; впилась
Она въ него, какъ пьявка-кровопійца,
И умеръ бы отъ страха въ битвѣ съ ней
Сѣдой глупецъ, когда бъ не поспѣшила
На помощь дочь: въ ея рукѣ опять
Чудовище вещицей прежней стало...

Задумался надъ этимъ всѣмъ баронъ—
И Васильку на утро далъ въ подарокъ
Наполненный монетой кошелекъ.
Но чудеса красавицы на этомъ
Не кончились, и сохранился въ ней
Волшебный даръ: по воскресеньямъ, въ церкви,
Копѣечка изъ рукъ ея тотчасъ
Серебряной монетой становилась,
Изъ серебра червонецъ выходилъ,
А золото въ брильянтъ преображалось...

И по свѣту широко разнеслась
Молва о ней, о добромъ, миломъ сердцѣ
Красавицы. Провѣдалъ это все
И государь, и захотѣлъ въ невѣстки
Ее себѣ. Отправилъ онъ сперва
Своихъ пословъ, а тамъ и самолично,
Съ наслѣдникомъ своимъ, къ барону въ домъ
Пожаловалъ. Женихъ, мужчина бравый,
Понравился тотчасъ же Васильку —
И свадебку сыграли имъ такую

Веселую и пышную, что вотъ
Ужъ сколько лѣтъ и сотенъ лѣтъ минуло
Отъ той поры, а въ тамошнемъ краю
Еще теперь текутъ у многихъ слюнки
При росказняхъ о свадьбѣ Василька.

Петръ Вейнбергъ.

Который изъ двухъ?

Въ Консьержери то было, въ термидорѣ,
Когда Парижъ изнемогалъ въ террорѣ.

Двѣ сотни жертвъ томилось безъ вины
Въ безжалостномъ, позорномъ заточеньи—
Одни уже на смерть обречены,
Другіе лишь въ зловѣщемъ подозрѣньи.
И по утрамъ—бывало, чуть блеснетъ
Разсвѣта лучъ—тюремщикъ неизбѣжно
Являлся къ нимъ и выкликалъ небрежно
Тѣхъ избранныхъ, кого ждалъ эшафотъ.
На скорбный кличъ служило неизмѣнно
Отвѣтомъ: здѣсь! Такъ пылкій жирондистъ
И, рядомъ съ нимъ, спѣсивый роялистъ—
Шли умирать спокойно и степенно.

Парижъ стоналъ. Все чаще и сильнѣй
Лились ручьи взывавшей къ небу крови.
И вотъ, въ одинъ изъ этихъ страшныхъ дней,
При роковомъ, давно привычномъ зовѣ,
На имя: Шарль Легэ—раздался въ мигъ
Двойной отвѣтъ. Тюремщикъ сталъ втупикъ;
Но изъ толпы ужъ выходили двое—

Въ торжественномъ безмолвьи и покоѣ:
Исполненный достоинства старикъ
И юноша—красавецъ горделивый.
Невѣдомыхъ другъ другу до сихъ поръ,
На жизненномъ пути ихъ свелъ террорь
Лишь случая игрою прихотливой;
Одинъ глядѣлъ зажиточнымъ купцомъ,
Другой блисталъ породой именитой,
Хотя мундиръ, узорами расшитый,
Висѣлъ теперь лохмотьями на немъ.

Захохотавъ, воскликнулъ стражъ суровый:
— Мнѣ одного довольно, господа!
У васъ одно, какъ видно, имя?
— Да,
Сказалъ старикъ,—и оба мы готовы.
—Ну, нѣтъ! Ужъ вы сторгуйтесь какъ нибудь—
Да поскорѣй нельзя ль? Пора и въ путь...

И вотъ ихъ торгъ—рѣшительный и скорый:
— Женаты?
— Да.
— Вдвоемъ?
— О, нѣтъ! семья!

Тюремщикъ вновь спросилъ:
— Ну, что жъ, который?
И юноша отвѣтилъ громко!
— Я!

В. Лихачовъ.

Старый Мадьяръ.

Жилъ въ Венгріи магнатъ, о безразсудныхъ
Дѣяніяхъ котораго полны
И до сихъ поръ повѣствованій чудныхъ
Преданія туземной старины.

На сельскій пиръ, однажды, съ пышной свитой
Явился онъ, какъ въ радужныхъ огняхъ,
Сіяющій въ диковинныхъ камняхъ
И, какъ паяцъ, причудливо обшитый
Червонцами: едва прикрѣплены,
Они струей разсыпались тяжелой,
Когда магнатъ пустился въ плясъ веселый—
И были въ мигъ толпой расхищены.
Изъ всѣхъ гостей одинъ старикъ почтенный
Въ своемъ углу остался недвижимъ;
Тогда предсталъ вельможа передъ нимъ
И произнесъ съ усмѣшкою надменной:
— Мнѣ очень жаль, что ты ни одного
Не получилъ червонца моего!
А я хотѣлъ со всѣми подѣлиться,
Чтобъ не было обидно никому...

И отвѣчалъ сѣдой мадьяръ ему:
«Для этого пришлось бы наклониться.»

В. Лихачовъ.

МИЛОСТЫНЯ.

По вечерамъ я видѣлъ изъ окна,
Какъ женщина въ изношенномъ нарядѣ
И съ нѣгою призывною во взглядѣ,
На гнусный торгъ судьбой обречена,
Взадъ и впередъ, тоскливо и устало,
Урочную прогулку совершала.
А за угломъ немолчный голосокъ
Измученной цвѣточницы ребенка
Выкрикивалъ и жалобно и звонко,
Чтобъ у нея купили хоть цвѣтокъ;
Когда же вдругъ малютка засыпала,
Несчастная подкрадывалась къ ней
И на цвѣты тихонько опускала
Даяніе отъ выручки своей...

И мнилось мнѣ, что, полную печали,
Ея уста мольбу въ тотъ мигъ шептали.

В. Лихачовъ.

СОНЕТЪ.

Неизгладимый слѣдъ пережитыхъ скорбей—
Живетъ и властвуетъ тоска въ душѣ моей,
Порывовъ пламенныхъ извѣдать не успѣвшей
И въ дни блаженныхъ грезъ угрюмо одряхлѣвшей.

Безкровное лицо, полупотухшій взглядъ
И сердца мертвенный покой мнѣ говорятъ
О будущемъ моемъ—о сумрачной пустынѣ,
Куда невольникомъ я шествую отнынѣ.

И все жъ по временамъ, на праздникѣ весны,
Я будто оживу—и радостные сны
Мелькнутъ передо мной блестящей вереницей;

Но это—лишь обманъ... Такъ, вешнею порой,
Пѣвунья рѣзвая, плѣнившись тишиной,
Случайное гнѣздо свиваетъ надъ гробницей.

В. Лихачовъ.

Картинка.

Гробовщикъ засучилъ рукава и работаетъ бодро и живо;
Нынче прибыльный выдался годъ; что ни день, слава Богу, пожива,
Просто отдыха нѣтъ; даже въ праздникъ никакъ
Не урвешь и минуты, чтобъ сбѣгать въ кабакъ.
Межъ дубовыхъ гробовъ во дворѣ беззаботно и шумно играютъ
Двое славныхъ, здоровыхъ дѣтей, и признательно шапки снимаютъ
Каждый разъ, какъ несутъ мимо ихъ мертвеца.
Да и какъ же иначе? Давальцы отца!
Мать съ шитьемъ на порогѣ сидитъ, обсуждаючи, сколько отложитъ
Въ запасной капиталецъ она, если снова Господь имъ поможетъ,
Если снова съ собою и будущій годъ
Иль холеру, иль оспу протащитъ въ народъ.
А съ лазурнаго неба межъ тѣмъ, съ дружелюбнымъ и тихимъ привѣтомъ,
Заходящее солнце глядитъ, озаряя ласкающимъ свѣтомъ
Эту группу, гдѣ все наполняетъ такой
Безмятежный, здоровый и честный покой.

Петръ Вейнбергъ.

МИМОЛЕТНО.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Занетто.

Сильвія.

Дѣйствіе происходитъ въ эпоху Возрожденія.

Лунное освѣщеніе. Направо изящный загородный домъ, построенный на террасѣ, которая отлого спускается къ авансценѣ. У подножія террасы—дерновая скамья. Въ глубинѣ смутно виднѣется Флоренція. Небо усѣяно звѣздами.

СЦЕНА I.

(**Сильвія** *въ бѣломъ пеньюарѣ—стоитъ, облокотясь на рѣзныя перила террасы и задумчиво смотритъ вдаль.*)

Сильвія.

Проклятіе любви! Я слезъ не знаю нынѣ!
Толпа вздыхателей проходитъ предо мной,
Мнѣ поклоняются смиренно, какъ богинѣ,
Но я холодностью плачу имъ ледяной...
Мнѣ сердце не согрѣлъ хоть искрой увлеченья
Ни разу поцѣлуй почтительной руки.
И—кто бы думать могъ?—порою отъ тоски

Не въ силахъ Сильвія найти себѣ спасенье!
Безоблачныхъ небесъ несносная лазурь
Мнѣ опротивѣла. Два мѣсяца безъ бурь!
Природа, мнѣ на зло, сочувствуетъ поэтамъ,
Пѣвцамъ, любителямъ скучнѣйшихъ серенадъ,
И вдохновляетъ ихъ къ безчисленнымъ сонетамъ,
Гдѣ имя Сильвіи рифмуетъ невпопадъ
Съ названьями цвѣтовъ. Льстецамъ подобострастнымъ,
Противнымъ мнѣ своимъ усердіемъ напраснымъ,
Которыхъ я влеку съ презрѣньемъ за собой—
Толпа завидуетъ. Добычей боевой
Обремененный вождь пиратовъ изъ Тосканы,
Чье имя знаютъ всѣ окрестныя намъ страны,
Брильянты и золото несетъ къ моимъ ногамъ.
Извѣстный ювелиръ изъ Генуи уборы
Мнѣ шлетъ богатые, и нашъ подеста самъ,
Соперничая съ нимъ, мои прельщаетъ взоры
Сіяньемъ жемчуга и камней дорогихъ...
Какъ ненавижу я и презираю ихъ—
Въ комъ увлеченіе замѣной служитъ страсти!
Мнѣ тяжко! Жизнь моя безцвѣтна и горька,
Жизнь безъ любви и грезъ восторженныхъ о счастьи!
Въ моемъ альбомѣ нѣтъ ни блѣднаго цвѣтка,
Ни локона волосъ... Съ волненьемъ непримѣтнымъ
Не вспомню я порой о словѣ томъ завѣтномъ,
Что̀, свято въ глубинѣ души своей храня,
Такъ цѣнитъ женщина... Ни горя, ни отрады,
И даже, даже слезъ нѣтъ больше у меня!
О, какъ мнѣ тяжело!

(Показывая на городъ.)

Среди ночной прохлады
Чуть дремлетъ вдалекѣ Флоренція—и вотъ,
Быть можетъ, въ этотъ часъ, въ своей каморкѣ тѣсной,
Задумчиво смотря на дальній неба сводъ,
Какой нибудь бѣднякъ, учитель неизвѣстный
И видѣвшій меня всего одинъ лишь разъ—
Мечтаетъ обо мнѣ... Увы, я недостойна
Любви; но все жъ, когда бъ судьба столкнула насъ,
Я счастіе свое не отдала бъ спокойно!
И если на пути онъ встрѣтится моемъ—
Наивный юноша, что̀ съ жизнью незнакомъ,
Останусь я глуха къ призывамъ состраданья,
И онъ, подобно мнѣ, извѣдаетъ страданья!

З а н е т т о (*поетъ за сценой.*)

О, милый другъ! Насталъ апрѣль,
Волною въ высь несется трель,
А въ гнѣздахъ—говоръ и движенье;
Вездѣ цвѣты, лазурь ясна,
Идетъ красавица весна—
Пора любви и возрожденья!

С и л ь в і я.

Сильнѣе и сильнѣй тоска меня гнететъ,
И пѣніе теперь вдвойнѣ невыносимо:
Весна противна мнѣ, а онъ ее поетъ!

З а н е т т о (*голосъ котораго все приближается*).

Мой другъ, чтобъ видѣться со мной,
Приди дорогою лѣсной.

Гдѣ соловья несутся трели!
Я жду тебя—приди туда,
Въ зеленый лѣсъ, гдѣ у пруда
Всегда сбѣгаются газели!

Сильвія.

И голосъ, и напѣвъ—полны̀ неуловимой
Гармоніи, но мнѣ смѣшонъ любовный бредъ...
Уйдемъ скорѣе. Здѣсь—несчастнымъ мѣста нѣтъ!

(*Сильвія медленно поднимается на террасу, разсѣянно смотря въ ту сторону, откуда слышенъ голосъ.* **Занетто**, *съ гитарой черезъ плечо и съ плащемъ на рукѣ, весело входитъ, не замѣчая Сильвіи*).

СЦЕНА II.

Сильвія—*на террасѣ.* **Занетто.**

Занетто.

Да здравствуютъ ночей весеннихъ тишина!
Поужинавъ въ селѣ, у хижины убогой,
Подъ сѣнью свѣжихъ лозъ, когда взойдетъ луна—
Пускаюся я въ путь. Случается дорогой
За пѣсенкой своей я все забыть готовъ—
Усталость и ходьбу: она даетъ мнѣ силы.
Да здравствуютъ же ночь и чудныя свѣтила,
Что̀ улыбаются сквозь кружево листовъ!
Да здравствуютъ сердца, гдѣ мѣсто есть надеждѣ!
Такъ вотъ Флоренція—моихъ стремленій цѣль!
Я завтра буду знать: найдетъ ли здѣсь, какъ прежде,

Радушье и привѣтъ бродячій менестрель?..
Однако, отдохнуть немного до разсвѣта
Мнѣ не мѣшало бы... Но если чрезъ плечо
Вы лютню носите и если вы одѣты
Въ поношенный костюмъ—не очень горячо
Хозяинъ приметъ васъ!

(*Замѣчаетъ скамейку*).

А! Вотъ скамья изъ дерна,
И, право, мнѣ заснуть хотѣлось бы пока.
Немного жестко здѣсь... За то какъ ночь мягка!..
И утромъ солнышко согрѣетъ благотворно
Скитальца, если онъ измокнетъ отъ росы.
И прежде я знавалъ подобные часы,
Когда небесный сводъ одинъ служилъ мнѣ кровомъ!
Я знаю—не слыветъ хозяиномъ суровымъ
Господь, и у Него всегда найдешь кредитъ!..

(*Ложится на скамью, закутавшись плащемъ и закрываетъ глаза*).

Сильвія (*слѣдя за нимъ съ террасы*).

Бѣдняжка! За него душа моя болитъ.
Скитальца пріютить мы всѣ должны охотно;
Сердилась я сейчасъ, что ночи такъ теплы.
О, Боже, какъ порой мы всѣ бываемъ злы!
Поддавшись прихоти пустой и мимолетной,
Готовы мы забыть обиженныхъ судьбой,
Бездомныхъ странниковъ.

(*Спускается съ террасы*).

Позвать его съ собой?

(*Увидѣвъ спящаго Занетто*).

Но онъ уже уснулъ! Какъ странно! Непонятной

Тревогою я вся невольно смущена.
Заснувшій юноша... просторъ... и тишина,
Дыханье вѣтерка и ночи ароматной—
Волнуютъ душу мнѣ сильнѣе и сильнѣй,
И что-то новое теперь проснулось въ ней...

(*Наклонясь, чтобы разсмотрѣть Занетто*).

Но онъ—мечты моей живое воплощенье!

(*Взявъ его за руку*).

Проснитесь! Сыро здѣсь.

Занетто (*просыпаясь, смотритъ на Сильвію съ восторженнымъ изумленіемъ*).

А!.. Фея!.. Безъ сомнѣнья,
Въ волшебныхъ грезахъ мнѣ являлася она,
И сонъ мой полонъ былъ сіяющихъ видѣній!

Сильвія.

То свѣтлый лучъ игралъ на зелени растеній.

Занетто.

О, нѣтъ, и голосъ вашъ узналъ я. Въ тихомъ снѣ
Порой нисходитъ даръ предвѣдѣнья чудесный,
И звуки, полные гармоніи небесной,
Сейчасъ я слышалъ здѣсь: они знакомы мнѣ.

Сильвія.

Быть можетъ—то, чтò вамъ казалося словами,
Былъ легкій вѣтерокъ, играющій листами,
Который улетѣлъ въ заоблачную высь...

Занетто.

Но кто же вы тогда, скажите?

Сильвія.

Я—сюрпризъ.
Пойдемте. У меня васъ ждетъ ночлегъ и ужинъ.
Вамъ, безъ сомнѣнія, хорошій отдыхъ нуженъ.

Занетто (*продолжая смотрѣть на нее*).

О, нѣтъ. Благодарю. Заснуть не въ силахъ я
И поздно ужиналъ.

Сильвія (*въ сторону*).

Не будь къ нему жестока!
Ты знаешь, что любовь безжалостна твоя,
А онъ—еще дитя... Останься безъ упрека!..
(*Громко*).
Скажите, кто же вы, заснувшій мирнымъ сномъ
Такъ скоро подъ моимъ растворенньмъ окномъ?

Занетто.

О, въ имени моемъ конечно нѣтъ секрета
Предъ вами—музыкантъ, зовутъ меня—Занетто,
И съ дѣтства ранняго я къ жизни кочевой
Привыкъ. Вся жизнь моя—прогулка, и едва ли
Двѣ ночи я провелъ подъ кровлею одной...
Повсюду проходя безъ горя и печали,
Я знаю даже три—четыре ремесла,
Ненужныхъ никому и все жъ необходимыхъ:

Я правлю челнокомъ при помощи весла;
Привыкъ я объѣзжать коней неукротимыхъ,
Охотиться въ лѣсу со сворою собакъ
Борзыхъ; среди аллей развѣсистаго сада
Съумѣю межъ вѣтвей повѣсить я гамакъ
Въ тѣнистомъ уголкѣ, гдѣ царствуетъ прохлада.
Теперь сознаюсь вамъ: отчасти я—поэтъ
И рифмой звонкою кончаю свой сонетъ;
Не смѣю умолчать еще о скромномъ дарѣ:
Я, сверхъ всего, даю уроки на гитарѣ.

Сильвія (*улыбаясь*).

Съ профессіей такой обѣдать не всегда
Приходится...

Занетто.

О, нѣтъ. Бываетъ иногда
И выгода. Но я, къ несчастью, непрактиченъ:
Моихъ обѣдовъ часъ весьма проблематиченъ,
Порою мнѣ забыть приходится о немъ.
Когда не повезетъ, мирясь съ неуспѣхомъ,
Какъ бѣлка, я въ лѣсу обѣдаю орѣхомъ;
Но чаще я встрѣчалъ радушнѣйшій пріемъ
(По правдѣ говоря: немного мнѣ и надо).
Когда спускается вечерняя прохлада,
Вхожу я въ замокъ, гдѣ собралася семья
За полнымъ явствъ столомъ, прося о дозволеньи
Пропѣть имъ что нибудь; во время исполненья
Романса нѣжнаго, когда увижу я
Фазановъ и куски поджаренной дичины—

Все слаще и нѣжнѣй польются каватины,
На столъ кидаю я порою пылкій взоръ—
Меня поймутъ сейчасъ и ставятъ мнѣ приборъ!

Сильвія.

Такъ вы въ Флоренцію идете, безъ сомнѣнья?

Занетто.

Какъ безъ сомнѣнья? Нѣтъ. Я странствовать привыкъ
По волѣ прихоти, по волѣ вдохновенья!
Одна фантазія—мой вѣрный проводникъ.
Я странствую, какъ листъ, оторванный грозою,
Какъ лѣтнихъ облаковъ туманная гряда,
Не зная самъ, зачѣмъ несусь я, и куда?
И цѣли я нигдѣ не вижу предъ собою.
Я тотъ, кого зовутъ: безумецъ и поэтъ,
Который жаждетъ лишь свободы и простора.
Гдѣ раньше я бывалъ, туда явлюсь не скоро...
Мнѣ кажутся легки мои шестнадцать лѣтъ;
Порой за мотылькомъ иль птицей перелетной
Я слѣдую въ пути, срываю беззаботно
Цвѣтокъ, и вновь иду тропинкою лѣсной,
Гдѣ только свѣтляки мелькаютъ предо мной.
Во время лѣтнихъ грозъ я прячусь подъ листвою.
Но если солнышко блеснетъ надъ головою—
Бѣгу въ ту сторону, гдѣ радуги узоръ
Сіяетъ на небѣ. Съ фортуной горделивой
Знакомства не ищу, и съ нею до сихъ поръ
Не встрѣтился. Я—тотъ бѣднякъ неприхотливый,
Чтò пьетъ изъ ручейка, проходитъ рѣку въ бродъ,
Не знаетъ отдыха и все не устаетъ...

Сильвія.

Скажите мнѣ. Ужель, когда въ чаду мечтаній,
Вы шли, все далѣе и далѣе стремясь—
Объ отдыхѣ вы и не вспомнили хоть разъ?
Ужели никогда среди своихъ скитаній
Вы не замѣтили уютный бѣлый домъ,
Обвитый розами и сѣтью виноградной,
Гдѣ дремлетъ старый песъ лѣниво подъ окномъ,
Гдѣ счастьемъ дышетъ все и прелестью отрадной?
Ужели у окна, межъ зелени и розъ,
Головку дѣвушки вамъ видѣть не пришлось,
Которая даритъ прохожаго улыбкой?

Занетто.

Случалось. Но, увы, моей гитары звукъ
Отцовъ и матерей повергнулъ бы въ испугъ
(Чтò было бы весьма плачевною ошибкой)...
Такъ камень, брошенный гурьбою шалуновъ,
Подниметъ невзначай всю стаю воробьевъ...
Съ моей наружностью бродяги и цыгана
Мнѣ трудно укротить домашняго тирана;
Я имъ не нравлюся, они противны мнѣ—
Такъ лучше мы семью оставимъ въ сторонѣ.

Сильвія.

И вы не увлеклись о счастіи мечтами,
Когда красавицы кидали въ васъ цвѣтами?

Занетто.

Къ чему? Съ улыбкою я мимо проходилъ.
И право, если бъ я, къ несчастью, полюбилъ—

Со страхомъ думаю: что̀ сталось бы со мною!
Свобода и просторъ мнѣ дороги вдвойнѣ,
Я радъ ихъ сохранить. Подумайте—вѣдь мнѣ,
Привыкшему бродить съ гитарой за спиною—
Тяжелой ношею покажется любовь!..

Сильвія (*улыбаясь*).

Васъ—птичку вольную—не сдѣлаешь ручною!

Занетто.

О, нѣтъ!

Сильвія.

И все жъ она подъ сѣнію деревъ
Совьетъ себѣ гнѣздо когда нибудь...

Занетто.

Едва ли.
Любви страшуся я... И если бы вы знали,
Какъ весело идти, рѣзвиться, отдохнуть,
Подобно мотыльку, и вновь пускаться въ путь,
Когда захочется...

Сильвія.

Но счастіе—не въ этомъ.
И такъ, случайно вы явилися сюда?
Васъ путь лѣсной манилъ? Сіяя мягкимъ свѣтомъ,
Свѣтила вамъ съ небесъ вечерняя звѣзда?
Иль слѣдовали вы за ласточкой залетной,
Такой же рѣзвою, такою беззаботной,
Которая сюда неслась издалека?

Занетто.

Почти.

Сильвія.

Такъ вашъ приходъ отчасти не случайный.
У васъ есть планы?

Занетто.

Да, лишь смутные пока...

Сильвія.

И все же?

Занетто.

Будущность моя покрыта тайной.

Сильвія.

Могу я вамъ помочь?

Занетто.

Мнѣ помощь не нужна,
И, можетъ быть, мои кончаются скитанья;
Вы знаете—мнѣ мысль явилася одна:
Воспитанный въ семьѣ чужой, изъ состраданья—
Кто былъ моимъ отцомъ? сказать я не могу—
Маркизъ иль дровосѣкъ? Но я порой весенней
Увидѣлъ Божій свѣтъ, и въ этомъ нѣтъ сомнѣній.
Какой-то свѣтлый лучъ живетъ въ моемъ мозгу,
И я забылъ о томъ, что выросъ сиротою.
Но вы, синьора, вы съ сердечной теплотою
Къ скитальцу отнеслись, и съ ласкою сестры,
И я, начавъ мечтать о счастьи отдаленномъ,
Почувствовалъ себя впервые утомленнымъ...
Съ подобной красотой конечно вы добры,
И вашимъ я готовъ послѣдовать совѣтамъ.

Оставьте жъ у себя и сдѣлайте ручнымъ
Лѣснаго соловья: клянусь, я буду имъ!
Ужель, синьора, вы откажете мнѣ въ этомъ?
Все прошлое забывъ—о, еслибы я могъ
Съ гитарой проводить часы у вашихъ ногъ,
Когда, внимая струнъ дрожащимъ переливамъ,
Вы отдавались бы мечтаніямъ счастливымъ
И грезамъ!..

Сильвія (*грустно*).

Вы—дитя.

(*Въ сторону*).

Зачѣмъ же этотъ страхъ,
Волненье это? Онъ остался бы со мною
И былъ бы счастливъ... Я читала бы въ глазахъ
Его привязанность. Съ любимою мечтою
Зачѣмъ разстаться мнѣ?

Занетто.

Такъ вы хотите, да?

Сильвія (*въ сторону*).

Хочу ли я? О, нѣтъ, несчастный! Никогда!

Занетто.

Я многаго прошу, не правда ли, синьора?

Сильвія (*въ сторону*).

Прошедшее мое узнаешь слишкомъ скоро,
Несчастный юноша...

Занетто.

Прошу въ послѣдній разъ
Отвѣта вашего.

Сильвія (*глухо*).

Вы встрѣтите отказъ.

Занетто.

За что же? Почему?

Сильвія.

Отказъ—весьма понятный.
Меня считали вы богатою и знатной
Синьорой, что̀ могла бъ среди своихъ дворцовъ
Роскошно принимать артистовъ и пѣвцовъ,
Отплачивая имъ богатою наградой?...
Но я—несчастная, къ несчастью, госпожа...

Занетто.

У васъ нѣтъ свиты?

Сильвія.

Нѣтъ.

Занетто.

Какъ? Даже и пажа?

Сильвія.

Его я не держу.

Занетто.

Но мнѣ такъ мало надо!

Я въ креслѣ спать могу, а вѣтка винограда
Обѣдъ мой...

Сильвія.

Я должна сознаться...

Занетто.

Если вы...

Сильвія.

Я—бѣдная вдова и въ траурѣ.

Занетто.

Увы,
Лишь мѣста скромнаго у вашихъ ногъ, синьора,
Просилъ бы я.

Сильвія.

Нельзя.

Занетто.

О, Боже мой, какъ скоро
Разстаться мнѣ пришлось съ надеждою моей!
Я къ Сильвіи иду, и, можетъ быть, у ней
Счастливѣй буду я...

Сильвія.

Что слышу я? Ужасно!

Занетто.

Хотя мечта моя осталася напрасной,
И въ будущемъ судьба мнѣ кажется мрачна—
Вы не откажете мнѣ въ искреннемъ совѣтѣ?

Здѣсь въ городѣ живетъ красавица одна,
Которой, говорятъ, нѣтъ равной въ цѣломъ свѣтѣ!
Со взоромъ огненнымъ, божественно блѣдна,
Какъ вы, съ движеньями и граціей царицы—
Синьора Сильвія. Вы слышали о ней?
За нею слѣдуютъ повсюду вереницы
Поклонниковъ. Красой и роскошью своей
Необычайною, достойной королевы,
Прославилась она. Ей нравиться должны
И рокотъ нѣжный струнъ, и чудные напѣвы,
Звучащіе среди вечерней тишины.
Не правда-ль?

Сильвія.

Боже мой!

Занетто.

Въ ея обширной свитѣ
Желалъ и я служить; но, въ сердцѣ ощутивъ
Невольно гордости ребяческой приливъ,
Колеблюсь я теперь... Синьора, помогите
Сомнѣнью моему. Я слышалъ, что она
Какой-то прелести загадочной полна,
Прекрасна странною и жгучей красотою,
Губящею сердца. Изъ вѣщихъ устъ сейчасъ
Я слышалъ съ горестью рѣшительный отказъ—
И все же онъ былъ данъ съ невольной добротою.
Не знаю—почему, но вѣрю я вполнѣ,
Что вы съ участіемъ относитесь ко мнѣ;
Что ваше искреннее, ласковое слово

Мнѣ счастье принесетъ... Я спрашиваю снова:
Идти мнѣ къ Сильвіи?

Сильвія (*въ сторону*).

Среди ночной тиши
Ко мнѣ явился гость невѣдомый и чудный—
Любовь. И я люблю всей силою души!
Впервые сонъ ея нарушенъ непробудный.
Мнѣ кажется, сюда вела его судьба...
Вѣдь это счастіе само проходитъ мимо—
Ужель прогнать его? Съ тоской невыразимой
Я чувствую, что мнѣ становится борьба
Все тягостнѣй...

Занетто.

Я жду рѣшенія покорно.

Сильвія (*въ сторону*).

Я низость дѣлаю, и роль моя позорна;
Но такъ велитъ судьба, и онъ желаетъ самъ...
(*Громко*).
Такъ слушайте... У ней...

Занетто.

У ней?

Сильвія (*послѣ краткаго молчанія, съ страшнымъ усиліемъ*)

Не мѣсто вамъ,
Повѣрьте мнѣ, дитя. У женщины безчестной,
Своею роскошью постыдною извѣстной—

Тамъ васъ опасности невѣдомыя ждутъ.
Увы, я не могла доставить вамъ пріютъ,
Въ которомъ путнику нигдѣ бъ не отказали;
Но васъ могу за то избавить отъ печали
И горькаго стыда. Какъ? Вы? Дитя лѣсовъ,
Привыкшее слѣдить за бѣгомъ облаковъ,
Внимать лишь ручейкамъ и пташкамъ говорливымъ—
Наивный юноша, оставшійся правдивымъ,
Съ челомъ, увлаженнымъ отъ утренней росы,
Войдете въ этотъ домъ роскошный и презрѣнный,
Гдѣ длятся пиршества постыдные часы,
Гдѣ царствуетъ порокъ съ развязностью надменной!
Какъ? Ваши дѣтскія, невинныя уста
Коснутся съ жадностью ужасной чаши оргій,
Вы испытаете нечистые восторги,
И васъ поблекшая заманитъ красота?..
Вамъ, робкій юноша съ кудрями золотыми
И взоромъ дѣвственнымъ—не мѣсто между ними!
Своими пѣснями за ласковый пріемъ
Вы можете платить, но все жъ необходимо
Разборчивѣе быть... Въ усердіи своемъ
Я вѣрно вамъ кажусь вполнѣ неумолимой,
А въ снисхожденіи нуждаюся сама...
Простите мнѣ, дитя! Правдива и пряма
Моя привязанность. Я васъ люблю, Занетто—
Какъ сына, и навѣкъ отъ гибели спасу.
Останьтесь соловьемъ! Пускай весна и лѣто
Предъ вами развернутъ роскошную красу,
И лютня зазвучитъ въ проснувшемся лѣсу,
Какъ прежде, нотою протяжной и пѣвучей!

Когда же облака сберутся черной тучей—
Спѣшите въ хижинѣ иль въ замкѣ отдохнуть,
Чтобъ снова на зарѣ пуститься къ дальній путь.
И послѣ, какъ нибудь, въ селѣ, весною ранней,
Головку дѣвушки увидѣвъ у окна,
Поймете вы, что жизнь бродячая—скучна,
И время отдохнуть навѣки отъ скитаній!
Тамъ счастіе васъ ждетъ и длинный рядъ годовъ
Отрадныхъ.

Занетто.

Я во всемъ васъ слушаться готовъ.
Но эта женщина своей недоброй славой,
Быть можетъ, клеветѣ обязана лукавой!
И тѣ, что̀ видѣли ея роскошный домъ—
Всѣ отзывалися безъ ужаса о немъ.
Но если бы я зналъ...

(*Замѣтивъ горестное движеніе Сильвіи*).

Простите, что не кстати
Страданья тайнаго коснуться мнѣ пришлось.
И васъ не оскорбитъ предложенный вопросъ?
Вы трауръ носите по мужѣ или братѣ,
Погибшемъ навсегда по Сильвіи винѣ,
Быть можетъ? И, своей отдавшися печали,
Вы думали о немъ—не только обо мнѣ?
Простите же меня!

Сильвія (*мрачно*).

Нѣтъ, вы не угадали
Причину тайную волненья моего;

Я не лишилася, повѣрьте, никого.
А Сильвіи мнѣ жаль, и—какъ оно ни странно—
Ее не въ силахъ я спокойно осудить.
Я знаю, что она способна пощадить
Порой, хотя на мигъ, того, кому охраной—
Невинность... Но, въ ея позорѣ убѣдясь,
Какъ долго устоитъ она отъ искушенья
Втоптать все чистое, возвышенное въ грязь—
Сказать я не могу... И вотъ мое рѣшенье:
Бѣгите отъ нея!

(*Съ сдержанною скорбью*).

Не можете вы знать,
Что купленъ вашъ покой ужасною цѣною!
Заставить васъ идти дорогою иною
Мнѣ трудно, тяжело... Дитя, всего понять
Не въ силахъ вы теперь... Конечно, такъ и надо...
И ваше счастіе—мнѣ лучшая награда.

(*Въ сторону*).

Все кончено, навѣкъ!.. Но если... понялъ онъ?..

З а н е т т о.

Когда вашъ приговоръ надъ ней произнесенъ—
Я повинуюся, и тотчасъ на разсвѣтѣ
Отсюда ухожу. Теперь на божьемъ свѣтѣ
Грустнѣе будетъ мнѣ... Я понялъ въ первый разъ
Всю прелесть отдыха. Усталостью томимый,
Его желалъ бы я, но мой не пробилъ часъ!
И все жъ отрадою, почти неуловимой,
Полна душа моя, и самый вашъ отказъ,
Мнѣ кажется, былъ данъ какъ будто съ сожалѣньемъ...

(*Умоляющимъ тономъ*).

Ужели ничего на память я съ собой
Отсюда не возьму? Вѣдь это утѣшеньемъ
Служило бъ для меня... И если мнѣ судьбой
Изгнанье суждено—съ невольнымъ облегченьемъ
Я зналъ бы, что тому вы не были виной
И съ тайной горестью простилися со мной!

Сильвія (*быстро подавая ему одно изъ своихъ колецъ*).

Вотъ перстень... И его храните неизмѣнно
На память обо мнѣ.

Занетто (*съ движеніемъ, выражающимъ отказъ*).

Синьора, слишкомъ цѣнно
Подобное кольцо. Я вижу тутъ алмазъ
Огромный, въ дорогой, изящнѣйшей оправѣ,
И я принять его тѣмъ болѣе не въ правѣ,
Что сами вы бѣдны...

Сильвія (*въ сторону*).

Поднять не смѣю глазъ...
Ужель онъ знаетъ все?.. И это—испытанье?..
(*Громко*)
Но что же мнѣ вамъ дать?

Занетто (*съ удареніемъ*).

Прошу воспоминанья—
Не милостыни, нѣтъ... но то, что̀ я бы могъ
Съ любовью сохранять. Отдайте мнѣ цвѣтокъ
Изъ вашихъ темныхъ косъ—пурпуровую розу...

Сильвія (*подавая цвѣтокъ*).

Возьмите. Но, увы, она съ зарею дня
Увянетъ навсегда. Тогда забудьте грезу
Минутную свою... забудьте и меня...
Прощайте...

Занетто (*бросаясь къ Сильвіи, которая удаляется*).

Я молю: скажите мнѣ хоть слово
Послѣднее... Теперь мнѣ кажется суровой
Судьба моя. Боюсь, что къ счастію пути
Утрачены, и я не въ силахъ ихъ найти!
Такъ будьте же моей счастливою судьбою:
Въ ту сторону, куда укажете рукою —
Туда направлюсь я: предъ вами цѣлый свѣтъ...

Сильвія (*поднявшись уже до половины террасы, указываетъ Занетто направленіе, противоположное городу*).

Идите въ сторону, гдѣ искрится разсвѣтъ!

(*Занетто дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Сильвіи, которая останавливаетъ его движеніемъ руки, и онъ съ жестомъ, полнымъ отчаянія, быстро уходитъ*).

СЦЕНА III.

Сильвія—*одна.* (*Она остается съ минуту на террасѣ, слѣдя за удаляющимся Занетто, потомъ внезапно схватывается руками за голову и заливается слезами*).

Сильвія.

Благословляю васъ, любви святыя грезы!
Вы дали мнѣ опять и радости, и слезы!..

О. Чюмина.

Послѣ кораблекрушенія.

Предъ старымъ кабакомъ на берегу рѣки,
Сося свой чубучокъ и угощаясь джиномъ,
Морякъ Денисъ Реми, храбрецъ, одной руки
Лишившійся давно въ бою подъ Навариномъ,
Любилъ по вечерамъ матросамъ молодымъ
Разсказывать свои былыя приключенья.

— Да, дѣтушки мои—разъ говорилъ онъ имъ—
Третьяго дня пошелъ отъ моего вступленья
На палубу судна шестидесятый годъ.
До той поры уже я всяческихъ невзгодъ
Не мало вытерпѣлъ. Мой дядя пьянъ былъ вѣчно
И часто сироту лупилъ безчеловѣчно,
Не зная самъ, за что. Но во сто разъ сквернѣй
Еще мнѣ стало жить, когда опредѣлился
Я въ юнги на корабль; вотъ тутъ-то научился
Я мучиться, терпѣть и прятать отъ людей
Всѣ горести свои... Корабль нашъ велъ торговлю
Въ ту пору неграми, и ѣздилъ онъ на ловлю
Изъ страны въ страну. Нашъ капитанъ держалъ
Свой экипажъ въ рукахъ нельзя сказать, чтобъ кротко:

Чуть что не по сердцу—пошла работать плетка.
А отколоченный сейчасъ же вымещалъ
Всю боль свою на мнѣ. Оно и натурально:
Мальчишка-новичокъ!.. И мыкалъ горе я
Средь вѣчной ругани и вѣчнаго битья!
Въ ту пору думали, что нужно досканально-
Ребенка колотить, чтобъ вышелъ изъ него
Морякъ, какъ слѣдуетъ... Мученья своего
Я имъ не выдавалъ ни крикомъ, ни слезою,
И вѣрно бы пропалъ, когда бы надо-мною
Не сжалился Господь. Онъ—въ Бога вѣдь мы всѣ,
Вы сами знаете, сердечно вѣримъ въ морѣ—
Онъ утѣшеніе послалъ мнѣ въ лютомъ горѣ:
Межъ этихъ злыхъ людей нашелъ я въ добромъ псѣ
Себѣ пріятеля. Матросы обращались
Съ нимъ также, какъ со мной—и скоро привязались
Другъ къ другу нѣжно мы. Мой славный Блэкъ весь день
За другомъ маленькимъ ходилъ вездѣ, какъ тѣнь.
А въ тѣ часы, когда на небо высыпали
Мильоны яркихъ звѣздъ, и только рулевой,
Да двое вахтенныхъ на кораблѣ не спали,
Я, въ темный уголокъ прижавшись головой
Къ любимцу своему, обнявши нѣжно шею
Его мохнатую, дѣлился съ нимъ моею
Печалью тяжкою, и горько плакалъ я,
И Блэкъ мой понималъ всѣ эти злыя муки,
И толстымъ языкомъ лице мое и руки
Привѣтливо лизалъ... Ахъ, тѣхъ часовъ, друзья,
Мнѣ вѣчно не забыть!..
Недѣли двѣ сначала

Мы плыли счастливо и пó вѣтру... Но разъ,
Когда съ утра жара жестокая стояла,
Нашъ старый капитанъ, прищуря зоркій глазъ—
Хоть лютъ у насъ онъ былъ, а моряку любому
Ни въ чемъ не уступалъ—вдругъ крикнулъ рулевому:
— Эй, глянь-ка, облачко какое къ намъ идетъ!
Вотъ гость непрошеный!—Да, отвѣчаетъ тотъ—
Какъ сажа черное и мчится какъ проворно!—
— Ну, что жъ, мы примемъ васъ, какъ слѣдуетъ; покорно
Прошу пожаловать! Бомъ-брамсель убирай!
Бомъ-кливеръ стягивай! Эй, черти не зѣвай!..
И все, чтó было рукъ, все принялось за дѣло...
Но чтó подѣлаешь, когда корабль совсѣмъ
Дырявъ отъ старости?.. А буря между тѣмъ
Пошла разгуливать. Насъ било, насъ вертѣло,
Какъ щепку вверхъ и внизъ кидало по волнамъ.
Мы все работали. Но скоро стало намъ
Уже не въ моготу: трюмъ залило водою.
Ну, послѣ этого конечно не до бою
Съ волнами лютыми; спастись бы кое-какъ!
И вотъ, мы, вымокши, хоть выжимай, какъ губку,
Уставши до смерти, для спуска въ море шлюбку
Готовить принялись: вдругъ—дьявольское кракъ!
И палуба въ куски! Корабль сталъ опускаться...
Не дай Богъ этакимъ манеромъ искупаться!..
Не знаю отчего, передо-мною въ тѣ
Минуты страшныя, когда мы очутились
Впервые подъ водой, въ могильной темнотѣ,
Всѣ дни прошедшіе живыми появились.
Деревню-родину, и старую избу,

И мертваго отца, и матушку въ гробу,
Сиротство горькое, работу не подъ силу—
Все, все увидѣлъ я... Вдругъ—въ уши, въ ротъ вода
Мнѣ хлынула. Еще бъ минута—и въ могилу
Подводную нырнуть пришлось бы навсегда,
Когда бъ не славный песъ. Онъ за воротъ зубами
Схватилъ пріятеля. Тутъ въ двухъ шагахъ отъ насъ
И шлюбка плавала,—ее одну Богъ спасъ.
Блэкъ дотащилъ меня; за бортъ схватясь руками,
Я прыгнулъ, онъ за мной—и вотъ на этомъ всемъ
Безбрежномъ и глухомъ просторѣ океана,
Въ ничтожной лодочкѣ, при воѣ урагана,
Остались лишь дитя съ собакою вдвоемъ!

Я былъ уже тогда неробкаго десятка.
Но признаюсь, когда затихнула гроза,
И обсудилъ я все—забила лихорадка:
Я понялъ, что земли не видѣть мнѣ въ глаза,
Коли не встрѣтитъ насъ по благодати неба
Какой нибудь корабль; должно быть, для того
Судьба спасла меня и Блэка моего,
Чтобъ голодомъ убить: хотя бы ломтикъ хлѣба,
Хотя бъ одинъ сухарь остался у меня,
Хотя бъ глотокъ воды!..

Три безконечныхъ дня.
Три ночи долгія насъ по волнамъ качало,
И каждый новый часъ все больше пропадала
Надежда робкая... Въ отчаяньи нѣмомъ
И злаго голода ужъ ощущая муки,

Глазъ на глазъ съ добрымъ псомъ, мои лизавшимъ руки,
Я жадно въ даль глядѣлъ—глядѣлъ и подъ огнемъ
Полуденныхъ лучей, и въ тьмѣ холодной ночи,
И ясно чувствовалъ, что скоро, скоро мочи
Не хватитъ мнѣ терпѣть... На третьи сутки вдругъ
Замѣтилъ я, что Блэкъ глядитъ не то тоскливо,
Не то растерянно, и прячется пугливо
Подъ лавку. Я къ нему: «Блэкъ! Что съ тобою, другъ?
Поди ко мнѣ!» Но онъ съ ворчаньемъ страшной злобы
Все пятится назадъ и за руку меня
Сбирается схватить; я, руку отстраня
Съ невольнымъ трепетомъ, не понимая, чтó бы
Все это значило, тревожно жду—и вотъ
Увидѣлъ съ ужасомъ: Блэкъ дерево грызетъ,
И пѣна струйкою съ губы его скатилась.
Все ясно стало мнѣ: собака, какъ и я,
Пробывши столько дней безъ пищи, безъ питья,
Не вынесла своихъ страданій—и взбѣсилась!
Да, тотъ, кто спасъ меня, мой другъ, хранитель мой,
Теперь какъ дикій врагъ стоялъ передо мной,
Готовый растерзать... Картина недурная,
Не правда ль, дѣтушки? Въ безбрежной ширинѣ
Дрянная лодочка и въ ней наединѣ
Съ собакой бѣшеной, ребенокъ, начиная
Въ смертельномъ ужасѣ сходить съ ума и самъ—
Вообразить себѣ предоставляю вамъ,
Коли вы можете, всю дьявольскую штуку...
Еще секунды двѣ—и машинально руку
Засунулъ я въ карманъ и, не спуская глазъ
Съ врага нежданаго, ножъ вытащилъ; какъ разъ

То было вó время. Въ порывѣ изступленья
Блэкъ кинулся ко мнѣ; однимъ прыжкомъ движенье
Я сдѣлалъ въ сторону, за шею ухватилъ
Страдальца бѣднаго и, весь остатокъ силъ
Въ отчаяньи собравъ, колѣномъ на полъ лодки
Успѣлъ его пригнуть; потомъ, межъ тѣмъ, какъ онъ
Неистово хрипѣлъ, я поднялъ ножъ и въ глоткѣ
Три раза повернулъ... Раздался тихій стонъ—
И все окончилось. Въ крови передо мною
Лежалъ, зарѣзанный моею же рукою,
Единственный мой другъ!..

Какъ найденъ тамъ былъ я
Почти что при смерти матросами корвета,
Къ Марсели плывшаго—разспрашивать про это
Напрасно стали бъ вы...
Съ тѣхъ поръ, мои друзья,
Я много убивалъ—у нашего вѣдь брата
Военнаго оно въ привычку входитъ. Разъ
Пришлось разстрѣливать товарища-солдата—
И вслѣдъ затѣмъ всю ночь, не размыкая глазъ,
Спокойно я проспалъ. Въ бою подъ Трафальгаромъ
Рукъ двадцать англійскихъ мой отхватилъ топоръ—
И увѣряю васъ, ни разу я съ тѣхъ поръ
Въ томъ не раскаялся. Въ плѣну лихимъ ударомъ
На мѣстѣ положилъ я пару часовыхъ—
И послѣ этого ужъ никогда о нихъ
Не вспомнилъ... Нынче же, когда о смерти Блэка
Я вамъ поразсказалъ, повѣрьте мнѣ, друзья,
Хоть съ той поры прошло уже почти полвѣка—

Конечно не засну ни на минуту я:
Все будетъ видѣться мнѣ страшная картина,
И въ ужасѣ смотрѣть все буду я кругомъ...
Такъ живо, живо все...

Эй, мальчикъ, рюмку джина!
И потолкуемте о чемъ нибудь другомъ.

П. Вейнбергъ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ДРАМЫ

ЯКОБИТЫ *).

(Дѣйствіе Пятое)

Скалистый берегъ. Мрачный пустынный пейзажъ. Огромные утесы; вдали море. Осенній закатъ солнца.

При поднятіи занавѣса, **Карлъ-Эдуардъ** *сидитъ на обломкѣ скалы въ полномъ изнеможеніи. Его нарядъ шотландскаго горца представляетъ собою лохмотья.* **Дунканъ,** *въ такомъ же оборванномъ платьѣ, стоитъ передъ нимъ.*

Принцъ.

Дунканъ, Дунканъ,—я голоденъ, замерзъ!

Дунканъ.

Бодрѣе, принцъ; теперь спасенье близко:
Шаговъ семьсотъ до этихъ скалъ, а тамъ
Друзья насъ ждутъ у скрытаго залива.
Крѣпитесь же, молю васъ, государь.

---

*) Содержаніе этой пьесы изложено въ концѣ книги.

Принцъ.

Насмѣшкою звучатъ твои титулы:
Твой «принцъ» ступить не въ силахъ; умираетъ
Отъ голода твой бѣдный «государь».

Дунканъ.

Оставилъ бы васъ въ этихъ скалахъ я,
А самъ сходилъ за хлѣбомъ, да боюсь:
Въ окрестности куда не безопасно—
Вездѣ снуютъ ищейки-англичане,
А у меня ни капли, ни куска.
Бодрѣй, бодрѣй! За этитъ мысомъ встрѣтятъ
Васъ Лоніель, миссъ Макъ-Дональдъ и двадцать
Испытанныхъ, вамъ преданныхъ друзей;
А къ вечеру—попутный вѣтеръ дуетъ—
Обѣщанный изъ Франціи корабль
Покажется, пожалуй; шлюпку спуститъ,
И приметъ васъ. На немъ вы безопасны.
Сегодня же, надѣюсь твердо я,
Мы бѣлый флагъ и лиліи увидимъ,
И въ вашу честь съ «Конти» раздастся выстрѣлъ.

Принцъ (*впавъ въ задумчивость, говоря самъ съ собою*).

Я царствовалъ... почти! На серебрѣ
Къ стопамъ моимъ покорно города
Несли ключи, и гордый англичанинъ
Не разъ меня привѣтствовалъ «регѐнтомъ»,
«Наслѣдникомъ престола» величалъ.

Къ рукѣ моей склонялися главы
Надменныхъ герцоговъ и скромныхъ горожанъ,
И шествіе побѣдное мое
Знаменами Стюартовъ осѣнялось...
Прекрасный сонъ! Теперь еще я вижу,
Какъ на яву... Нѣтъ, смѣной театральной,
Мгновенною, неуловимой тѣнью,
Скользнувшею по яркой муравѣ—
Исчезло все... Разбилися надежды!
При звукѣ трубъ, при боѣ барабанномъ
Склонялися недавно предо мной
Ряды знаменъ у въѣзда въ Голирудъ;
Теперь подчасъ въ звѣриномъ логовищѣ
Скрываюсь, радъ—бродяга безпріютный—
Когда пастухъ пригрѣетъ у огня.
Недавній вождь восторженныхъ дружинъ—
Лохмотьями едва прикрытый, мерзнетъ;
И въ хижинѣ ночлега не даютъ
Тому, кто спалъ въ покояхъ предковъ славныхъ!
Не у меня ль, на дняхъ почти, въ стаканѣ
Французскихъ лозъ чистѣйшій сокъ игралъ—
Сегодня же воды и хлѣба нѣтъ...
Какъ ты, судьба людская, своенравна!
Въ единый мигъ изъ пышнаго дворца
Я въ грязный хлѣвъ низринутъ. Проведя
Тревожно ночь въ свиной закутѣ, руку
Послѣднему изъ горцевъ подаю,
А онъ ее разглядываетъ, будто
Боясь привить нечистую проказу...
О, Господи, быть можетъ, легкомысленъ,

Развратенъ я, виновенъ былъ—но грозно
Вину мою караешь ты! Фингаллъ
И Дора—вы, которыхъ день и ночь
Съ сердечною печалью поминаю...
Не ваша ль кровь предъ божіимъ престоломъ
О карѣ мнѣ немолчно вопіетъ?
Внемлите же молитвѣ покаянья,
Простите мнѣ: искупленъ грѣхъ мой тяжкій.
Какъ Лазарь я, какъ Іовъ, изстрадался—
Простите мнѣ, молю васъ, пощадите!

(*Во время монолога принца,* **Дунканъ**, *послѣ жеста состраданья, взошелъ на утесъ и смотрѣлъ вдаль, держа ладонь надъ глазами Къ концу монолога онъ сходитъ снова*).

Дунканъ.

Ужь меркнетъ день; друзья должны быть въ сборѣ,
Пора идти, запаздывать нельзя.

Принцъ (*приподнимаясь съ трудомъ*).

Попробую... дай руку... (*Уходя, опирается на Дункана*).
Хоть бы хлѣба!

(**Принцъ** *и* **Дунканъ** *уходятъ вправо; въ то же время слѣва входятъ* **Ангусъ** *и* **Марія. Марія** *осторожно ведетъ старика по утесистой тропинкѣ. Она очень исхудала, очень блѣдна; всякое движеніе ея обличаетъ болѣзнь и изнеможеніе*)

Марія (*осторожно проводя Ангуса*)

Сюда, сюда, родной! Не споткнись...

Ангусъ.

Пахнулъ въ лицо мнѣ вѣтеръ съ моря; слышу:
Въ ногахъ песокъ сталъ мельче. Берегъ это?
Марія, намъ и отдохнуть бы можно.

Марія.

Да, сядемъ здѣсь. (*Помогаетъ Ангусу усѣсться*).

Ангусъ.

Устала ты, дитя?

Марія.

Устала (*Садясь*). Охъ, совсѣмъ разбита я.

Ангусъ.

Зачѣмъ же ты, голубка, такъ упорно
Идешь, идешь, и отдохнуть не хочешь!..
Захватитъ ночь насъ въ этомъ пустырѣ...
Попросимся къ сосѣднимъ рыбакамъ.

Марія.

Нѣтъ. Слышно, принцъ скитается здѣсь гдѣ-то,
Полуодѣтъ, безъ хлѣба, безъ пріюта.
Изъ Франціи корабль за нимъ идетъ...
О, если бы увидѣть мнѣ его
Въ послѣдній разъ!

Ангусъ.

Останемся, коль хочешь.
Тебѣ, дитя, послушенъ я, хотя
Совсѣмъ, совсѣмъ ты неразумна. Осень;
И холодно и вѣтряно; тебѣ
Съ недѣлю вновь похуже стало что-то,
И чувствую, ручонка у тебя

Худа̀, горитъ... Ты кашляешь ночами...
И хоть бы ты поотдохнула!.. Нѣтъ!
Въ отчаянье я прихожу порой;
Такъ больно мнѣ...

Марія.

Прости, прости, родимый:
Надеждами тебя баюкать странно,
Не стану лгать—недолго проживу!

Ангусъ.

Не хочешь жить ты, бѣдное дитя,
И горькое пророчество упорно
Твердишь, твердишь... Меня-то пожалѣй!..

Марія.

Какъ быть, родной?.. Не виновата я,
Что меркнетъ жизнь. Не самъ ли ты, бывало,
Говаривалъ, что я живу любовью
Къ Шотландіи. Надежда наша—принцъ
Разбитъ, бѣжитъ, отчизна гибнетъ, я...
Я, какъ огонь подъ снѣгомъ, угасаю.
Шотландіи не стало—что́ же жить!
Предъ смертью я хотѣла бы однако,
Еще взглянуть на юнаго героя,
Увѣриться, что онъ успѣлъ спастись.
Предсмертный часъ мнѣ легче пережить,
Отраднѣе, коль съ палубы взирая
На тонущій родимый берегъ, онъ,
Поверхъ гребня шумящихъ волнъ, увидитъ,

Какъ я рукой привѣтъ ему прощальный
Отъ горестной Шотландіи пошлю.

Ангусъ.

О, Господи! Я выростилъ ее,
И я внушилъ.....

Марія, сидѣвшая возлѣ дѣда, мало по малу спустилась на землю и стала на колѣни, прижимаясь къ Ангусу.

Марія.

Какъ холодно, родной мой!
Меня совсѣмъ пронизываетъ вѣтеръ.

Ангусъ.

Возьми мой плащъ, закутайся; онъ старъ,
Но въ немъ тепло.

Марія (*кутаясь*).

Спасибо!.. Вотъ и лучше.
О, добрый мой! Прильну къ твоимъ колѣнямъ,
Твою ладонь подъ голову... Теперь
Шуми, волна, и вѣтеръ дуй, какъ знаетъ,
А я глаза закрою и сосну...

~~~~~~

(*Ангусъ подымаетъ воротникъ плаща, чтобы защитить голову Маріи отъ вѣтра. Въ то же время справа показывается* **Принцъ**, *съ трудомъ переступая по скаламъ*).

Принцъ (*не замѣчая Ангуса и Маріи*).

Дунканъ одинъ ушелъ на розыскъ;—я
Идти не могъ. (*Садится*). Какъ здѣсь пустынно! Ночь!..
~~~~~~

Волна шумитъ и вѣтеръ поднялся!
Охъ, холодно! Дрожу, какъ въ лихорадкѣ...
И голодъ такъ мучителенъ... Заснуть?..
Куда бы здѣсь отъ вѣтра пріютиться?..

(*Увидавъ Ангуса*).

Но, кажется, тамъ кто-то есть? Бѣгу!...
Вездѣ враги!..

(*Еще присматривается къ Ангусу*).

Не двигается онъ...
Какъ будто старъ, и немощенъ, и бѣденъ...
Всего-то я теперь бояться сталъ!..
О, если бъ мнѣ онъ хлѣба далъ... Спросить?..
О, Господи, велѣніемъ твоимъ
Отцы мои столѣтья управляли
Шотландіей! Стюарты, коль за гробомъ
Вамъ памятна людская спесь... Краснѣйте—
Потомокъ вашъ о хлѣбѣ проситъ.

(*Подходя къ Ангусу, громко*). Дѣдъ!

Ангусъ (*выходя изъ забытья*).

Въ чемъ дѣло?

Принцъ.

Другъ, ты видишь—бѣденъ я,
И голоденъ—дай хлѣба, Бога ради.

Ангусъ.

Ну, видѣть я не вижу—слѣпъ; а хлѣба
И у меня нѣтъ: нищій я.

Принцъ.

Стюарты
У нищаго просилъ я подаянья!..

(*Какъ бы вспоминая*).

Но этотъ взглядъ потухшій...

Ангусъ (*также*).

Голосъ этотъ...

Принцъ.

Ты Ангусъ?

Ангусъ.

Да. Неужли принцъ?. О, Боже!

Принцъ.

Не первый ли мое ты знамя поднялъ!..

Ангусъ.

А вотъ теперь и въ хлѣбѣ отказалъ!..

Принцъ.

Ты армію, престолъ мнѣ далъ когда-то...

Ангусъ.

Сегодня же куска подать не могъ!

Принцъ.

Шотландіей все отдано мнѣ. Чтó же
Осталось ей въ замѣну?..

Ангусъ (*скидывая плащъ съ Маріи*).

Умереть
Отъ скорбныхъ слезъ... Взгляни!

Принцъ.

Марія? Боже!

Марія (*просыпаясь*).

Кто звалъ меня?.. А я сейчасъ заснула,
И чудный сонъ приснился: ясный день,
Сіяетъ все— какъ бы надеждой дышетъ...
И вдругъ изъ водъ выходитъ онъ—герой,
Съ своей звѣздой брильянтовой на шеѣ...
Меня беретъ въ объятья, сердце къ сердцу...
И чувствую: горячій поцѣлуй
На лбу моемъ уста запечатлѣли!..
О, сладкій сонъ!... Зачѣмъ проснулась я!..

(*Говоря, Марія поднялась было, но пошатнулась отъ слабости. Принцъ поддерживаетъ ее въ объятіяхъ*).

Принцъ.

Что̀ скажешь ты, когда узнаешь, кто
Тебя теперь въ объятьяхъ держитъ?

Марія (*взглянувъ на принца*).

Онъ!

(*Бросается передъ нимъ на колѣни. Карлъ-Эдуардъ подымаетъ ее*).

Принцъ.

О, на груди останься у меня!
Сравняла насъ суровая невзгода...
И даже нѣтъ!—Сегодня ты судьею
Мнѣ можешь быть: я чувствую, дитя,
Въ тебѣ еще отчизны сердце бьется,

Хотя оно и ранено смертельно.
Скажи, скажи—проститъ ли мнѣ она?

Марія.

Шотландія судить тебя не можетъ—
Она тебя любила горячо.

Принцъ.

Ее въ печаль повергъ я...

Марія.

Не въ унынье!

Принцъ.

Я на нее тяжелыя гоненья
Призвалъ.

Марія.

Она тебѣ отпуститъ все!

Принцъ.

Такъ много я напрасной крови пролилъ...

Марія.

Почтитъ она несчастіе героя.

Принцъ.

Она меня глубоко ненавидитъ
И клясть должна...

Марія.

Она глубоко любитъ!

Ангусъ.

Повѣрить ей ты можешь. Это голосъ
Шотландіи. Съ душою примиренной
Покинешь ты родные берега...
Къ изгнанію могила милосердна!

Принцъ.

Изгнаніе! Я съ нимъ давно знакомъ;..:
Тяжелыхъ дней несчетный рядъ, и съ каждымъ
Туманнѣе виднѣется надежда...
Такъ въ сумеркѣ вечернемъ исчезаютъ
Отъ берега отплывшія суда!

Марія.

О, ты въ краяхъ съ роскошною природой
Шотландію, конечно, не забудешь;
Достойное и преданное сердце
Отраднѣе, чѣмъ солнце юга, грѣетъ!
Въ Италіи и Франціи не разъ
Вздохнешь въ тиши благоуханной ночи
По сѣверѣ холодномъ и суровомъ:
И здѣсь луна туманы разсѣваетъ,
На гладь озеръ льетъ мягкіе лучи,
Окрестныя деревья освѣщая,
Вершины горъ, покрытыя снѣгами,
И дикихъ козъ пугливыя стада...
Но слышатся—чего на югѣ нѣтъ—
Изъ хижины убогой доносясь,
Печальные напѣвы якобитовъ.
Глубокою, прозрачною лазурью

Чужихъ небесъ любуясь—наше небо,
И нашу ночь, и звукъ родной волынки,
Откуда-то несущійся, вспомянешь.
Тогда себѣ скажи ты въ утѣшенье,
Что любимъ мы изгнанника, который,
Внявъ родины священному призыву,
Явился къ ней, и въ полѣ боевомъ
Преданія оставилъ чести, славы—
Сокровища, которыя цѣннѣе
Иныхъ побѣдъ. И гдѣ бы ни былъ ты—
Съ тобою, знай, сердца шотландцевъ крѣпко
Сроднилися; въ часы невзгоды помни,
Что горецъ нашъ на эшафотѣ даже
Про юнаго вождя и государя
Съ горячею любовью поминаетъ.

Принцъ.

О, Господи, какъ, чѣмъ отвѣчу я
На эту рѣчь любви и утѣшенья!
И радостно, и больно... Слезы льются...

Марія (*обнимая Принца*).

Позволь отдать тотъ чистый поцѣлуй,
Которымъ ты со мною обручился!

Принцъ (*цѣлуя ее*).

Марія!

Ангусъ.

Я прощанье ваше, дѣти,
Дряхлѣющей рукой благословляю.
О, помни же—тебѣ ея устами

Шотландія всю душу отдаетъ...
Священное храни воспоминанье
Объ этомъ днѣ до гроба.

Принцъ (*замѣтивъ, что Марія въ полномъ изнеможеніи опустилась на его руку*).

Боже мой!..
Чтò съ ней? Старикъ, ей дурно... Помоги!
Несчастное, прекрасное дитя!
И такъ блѣдна, глаза полузакрыты...

Ангусъ.

Шотландія погибла... и Марія!

(*Входитъ* Дунканъ).

Дунканъ

Спѣшите, принцъ! Друзья всѣ въ сборѣ! Шлюпки
Причалили у бухты, а корабль
Стоитъ вблизи... Скорѣй, вы спасены!

Принцъ (*указывая на Марію*).

Но какъ ее оставить!.. Погляди,—
Какъ мертвая!

Дунканъ.

О ней не безпокойтесь:
Съ ней старый дѣдъ... Друзья у веселъ ждутъ,
И лишній мигъ всѣхъ можетъ погубить!
Того гляди, нагрянутъ англичане.

Марія (*Принцу*).

Молю, иди!

Принцъ (*увлекаемый Дунканомъ*).

Шотландія, прощай!

Прощай, прощай, Марія!

(*Уходитъ съ Дунканомъ*).

Марія.

Наконецъ!

Ушелъ! Его спасутъ они, не правда ль?
Какъ холодно!.. Родимый, обними,
Держи меня... Одинъ ты остаешься!..
Охъ, тяжко мнѣ!.. Конечно, съ корабля,
Принявъ его, дадутъ сигнальный выстрѣлъ?.
Задохнусь я... Родной мой, поцѣлуй!..
О, Господи, не дай мнѣ умереть,
Пока для нихъ опасность не минуетъ!..
Спаси его, спаси, Святая Дѣва!..
Какъ медленно они гребутъ... Скорѣе!

(*Раздается вблизи пушечный выстрѣлъ*).

Спасенъ!.. Прощай!..

(*Падаетъ мертвою на руки Ангуса*).

Ангусъ (*опускаясь на колѣни передъ трупомъ*).

Скончалася!.. О, Боже!

Прими же духъ ея, и мнѣ пошли конецъ
Скорѣй... Молю—скорѣй! Сподоби только
Дитя мое похоронить. И саванъ
Готовъ тебѣ, Марія—знамя наше.

(*Вынимаетъ изъ-подъ своихъ лохмотьевъ дырявое знамя*).

Послѣднее, единственное знамя,
Спасенное въ день скорбнаго погрома. .

Въ крови оно, пронизано картечью;
Но ей такой покровъ и нуженъ: знаю—
Голубкѣ въ немъ тепло, отрадно будетъ!..
Создатель! День хочу прожить, не больше:
Узнаю я, что вырыта могила,
Опущенъ гробъ, положена плита,
И гдѣ нибудь обломокъ палаша
Добывъ, на той плитѣ одно
Я вырѣжу святое слово: «Вѣрность»!

А. Слѣпцовъ.

ВЪ ЧИСТИЛИЩѢ.

Мнѣ снился сонъ. Я былъ въ гробу,
И голосъ мнѣ шепталъ суровый:
«Ты будешь живъ, но въ формѣ новой
Узнаешь горькую судьбу;

Въ лѣсу осеннемъ, ночью мутной,
Ты будешь птицей безпріютной
Дрожать подъ холодомъ дождей».
— Я полечу изъ лѣса къ ней!

«Иль нѣтъ! Ты будешь ветхимъ дубомъ,
И ураганъ въ порывѣ грубомъ,
Тебя сомнетъ».— Но можетъ быть,
Ее случится мнѣ укрыть!

«Нельзя, ты слишкомъ преданъ милой:
Въ равнинѣ голой и унылой
Ты будешь камнемъ».— Боже мой,
Она прижметъ меня ногой!

Тогда, смущенъ богохуленьемъ,
Воскликнулъ духъ съ ожесточеньемъ:
«И такъ, утрать ея любовь —
Ты человѣкомъ будешь вновь»!

С. Андреевскій.

Убаюканное Горе.

Ты погибалъ. Промчались годы—
Ты сталъ супругомъ и отцомъ.
А помнишь прежнія невзгоды?
Ты въ смерти видѣлъ лучъ свободы
И мѣтилъ въ голову свинцомъ.

Ты не забылъ своихъ страданій,
Ни бурь, ни тяжкихъ испытаній,
Ни страсти, бившейся въ крови,
Ни мукъ обманутой любви.
Въ душѣ врачуя слѣдъ измѣны,
Ты вѣчно жаждалъ перемѣны:
То въ шумѣ оргій утопалъ,
То въ славѣ отдыха искалъ,
То слушалъ плескъ и ропотъ моря,
Но, неразлученъ съ тѣнью горя,
Ты позабыть его не могъ.
Теперь — ты больше не страдаешь,
Но чѣмъ забвенья достигаешь?

— Мнѣ жаль тебя: — ты одинокъ!
Довольно мнѣ для этой цѣли
Качаній мѣрныхъ колыбели,
Гдѣ спитъ мой маленькій сынокъ.

С. Андреевскій.

ГОЛОСЪ РАЗОЧАРОВАННАГО.

Всѣ любятъ и живутъ! Лишь я среди людей
Стою, какъ мертвый дубъ на вешнемъ небосклонѣ...
Какъ жутко въ тридцать лѣтъ скитаться безъ страстей,
Не знать ребяческой за радостью погони!

Я жалокъ, какъ больной, которому не въ мочь
Кругомъ наскучили знакомые предметы,
И онъ пытается дремоту превозмочь,
Считая на коврѣ пунцовые букеты.

Подчасъ мнѣ хочется скорѣе умереть,
И на уснувшія въ душѣ воспоминанья
Мнѣ тягостно взглянуть, какъ трудно посмотрѣть
Портрету старому въ лицо безъ содроганья.

И даже отъ любви, любви моей слѣдовъ
На сердцѣ дремлющемъ не болѣе осталось,
Какъ лѣтомъ на цвѣтахъ—отъ тѣни мотыльковъ,
Которыхъ тысячи въ ихъ листикахъ питалось.

Созданье милое, невѣдомое мнѣ!
Быть можетъ, гдѣ нибудь тебя я встрѣчу вскорѣ:
Кокотка смѣлая при газовомъ огнѣ,
Иль дѣва чистая съ стыдливостью во взорѣ,—

Явись, когда въ тебѣ есть сила оживить
Мнѣ грудь, лишенную надежды и желанья,
Всю вѣру прежнюю во взглядѣ возвратить,
Природу всю мнѣ дать въ одномъ цвѣткѣ лобзанья.

Приди! Какъ отдаютъ все золото волнамъ,
Спасаясь, моряки, чтобъ жить одно мгновенье —
Приди! Я душу всю, всю кровь тебѣ отдамъ
За мигъ единственный любви и наслажденья!

С. Андреевскій.

ЭХО.

Я громко сѣтовалъ въ пустынѣ:
«Кто будетъ близокъ мнѣ отнынѣ,
Какъ были близки сердцу вы?»
Мнѣ эхо вторило: «увы!»

«Какъ буду жить больной и скучный,
Томимъ печалью неотлучной
И рядомъ горестныхъ годинъ?»
Мнѣ эхо вторило: «одинъ!»

«Но гдѣ укрыться? Міръ — могила.
Мнѣ жизнь безцѣльная постыла.
Гдѣ прежній блескъ, и шумъ, и рай?»
Сказало эхо: «умирай!»

С. Андреевскій.

На воздухѣ и въ комнатахъ.

Картинки.

I.

Она увѣрена, что тяжко ожиданье,
И знаетъ, что клялась явиться на свиданье,
Что онъ уже давно мученьями томимъ.
Въ уборной розовой предъ зеркаломъ своимъ
Она съ прическою немножко запоздала.
Теперь огорчена прелестница немало,
Что, разодѣтая, собравшаяся въ путь,
Не можетъ второпяхъ перчатку застегнуть.
И какъ мила возня рученки суетливой!
Какъ милъ суровый взглядъ и жестъ нетерпѣливый!
И, разсерженная, въ порывѣ молодомъ,
Стучитъ она въ паркетъ капризнымъ каблучкомъ.

II.

Вчерашнюю мятель морозецъ придавилъ.
Вся крыша, ворота и столбики перилъ,
Бесѣдка и балконъ, скамейка и заборы
Одѣлись въ ватные пушистые уборы.
Подъ небомъ сѣренькимъ въ безлиственныхъ садахъ
Бѣлѣетъ изморозь на спутанныхъ вѣтвяхъ.
Но, стойте: вотъ закатъ! Ничто не шевелится,
Багряной полосой край неба золотится,
Синѣетъ снѣжный долъ подъ сумракомъ сквознымъ,
Отъ кровель низменныхъ идетъ лиловый дымъ,
На вѣтви зимнія ложится отблескъ алый —
И превращаетъ ихъ въ волшебные кораллы.

III.

Училище. Въ углу распятіе съ цвѣтами..
Скамейки черныя межъ бѣлыми стѣнами.
Подъ чистымъ чепчикомъ, румяна и свѣжа,
Сестра-наставница, усердно сторожа
Пятнадцать дѣвочекъ, даетъ имъ объясненья.
На ласковомъ лицѣ не видно утомленья,
Когда предъ ней твердятъ въ несчетные разы
Давно извѣстные и скучные азы,
И, добродушная, она не помѣшаетъ,
Когда десятокъ глазъ пытливо наблюдаетъ
На бѣломъ лоскуткѣ тетраднаго листка
Движенья робкія плѣненнаго жука.

IV.

Какъ часто вечеркомъ, у краснаго огня,
О птичкѣ маленькой задумываюсь я,
Погибшей гдѣ нибудь въ лѣсу непроходимомъ!
Въ дыханьи холода, при вѣтрѣ нестерпимомъ,
Подъ вѣчнымъ сумракомъ на мертвыхъ небесахъ,
Ряды пустынныхъ гнѣздъ качаются въ вѣтвяхъ.
Какъ много вымерло хозяюшекъ зимою!
А между тѣмъ, когда весеннею порою
Фіалки собирать въ долины мы пойдемъ,
Скелетовъ тоненькихъ въ кустахъ мы не найдемъ.
И спрашиваю я, отвѣта не встрѣчая:
Куда же прячутся всѣ птички, умирая?

V.

Вчера мнѣ встрѣтились въ пути глухонѣмые.
Попарно двигались питомцы молодые,
Серьезный разговоръ у нихъ происходилъ,
И каждый пальцами свободно говорилъ,
На лица странныя взглянулъ я мимоходомъ.
По полю свѣжему, подъ ярко-синимъ сводомъ,
Они сокрылись въ даль, подошвами стуча.
Остался я одинъ. Мелодіей звуча,
Пронесся вѣтерокъ въ березахъ серебристыхъ,
Звенѣли ласточки въ кустарникахъ росистыхъ,
Кузнечикъ стрекоталъ въ гвоздикахъ полевыхъ...
Мнѣ будетъ памятна судьба глухонѣмыхъ.

С. Андреевскій.

Голова Султанши.

Сынъ великаго Мурада,
Магометъ, султанъ суровый,
Сталъ задумываться часто:
Занятъ былъ онъ мыслью новой.
Въ тишинѣ ль глубокой ночи,
Посреди ль дневнаго шума —
Въ головѣ его гнѣздилась
Все одна и та же дума.
Онъ ходилъ, чело нахмуривъ,
Брови сдвинувши густыя:
Не давалъ ему покоя
Славный городъ Византія.

Въ каикѣ своемъ роскошномъ,
Убаюканный волнами,
Все туда нетерпѣливо
Уносился онъ мечтами.
Видѣлъ издали онъ городъ,
Башни, куполы и шпицы,
И прислушивался жадно
Къ шуму смутному столицы;

Отъ ея дворцовъ и храмовъ
Оторвать не могъ онъ взора,
Что̀ такъ чудно отражались
Въ голубыхъ водахъ Босфора.

«Да, возьму я Византію,
Эти храмы и палаты!...
Но для подвиговъ великихъ
Нужны храбрые солдаты.
Много крови тутъ прольется —
Не отдастся городъ даромъ»...
Размышлялъ онъ, и горстями
Сыпалъ деньги янычарамъ.
Но солдаты облѣнились,
Заплыли, какъ свиньи, жиромъ.
Развращенные до нельзя
Черезчуръ ужъ долгимъ миромъ.
Что̀ ни дай, а все имъ мало!
И опять они вопили,
Новыхъ, новыхъ все подарковъ
Отъ щедротъ его просили.

Магометъ крѣпился долго,
Гнѣвный, сумрачный, но скрытный.
Наконецъ онъ возмутился
Ихъ корыстью ненасытной.
Давъ агѣ ихъ оплеуху,
Всѣхъ заботъ оставивъ бремя,
Раздраженный повелитель
Заперся въ своемъ гаремѣ.

Тамъ безвыходно сидѣлъ онъ.
Проходили дни за днями,
А султанъ не появлялся,
Скрытый толстыми стѣнами.

И солдаты взбунтовались.
Раздались свистки и крики
Этой шайки своевольной
У дворца ея владыки.
Все грознѣй вздымался ропотъ,
Все росла возстанья сила;
Но дворецъ не отпирался,
Былъ безмолвенъ, какъ могила.
И напрасно раздавался
Ревъ буяновъ разъяренныхъ
Возлѣ этихъ стѣнъ массивныхъ,
Жгучимъ солнцемъ накаленныхъ.
Слухъ прошелъ между войсками,
Ихъ наполнивъ озлобленьемъ,
Что властитель, оскорбившій
Ихъ такимъ рпенебреженьемъ,
Тотъ, кто долженъ быть примѣромъ
Славной доблести солдату—
Запершись въ своемъ гаремѣ,
Предается тамъ разврату;
Что давнишнія желанья—
Славы, битвы и побѣды—
Продалъ онъ за поцѣлуи
И любовныя бесѣды;
Что теперь уже другая

У султана есть приманка,
Что его околдовала
Синеокая гречанка...
Онъ отнынѣ не желаетъ
Въ бой вести ихъ и сражаться,
А намѣренъ въ праздной нѣгѣ
Сладострастью предаваться.
Тамъ, валяясь на диванѣ,
На гитарѣ онъ играетъ
И персидскими стихами
Эпиротку забавляетъ.

«Стыдъ лѣнивому султану,
Трусу!»—крики раздаются.
Волны бунта все грознѣе
Въ стѣны каменныя бьются.
Не корысть ему причина,
Нѣтъ о золотѣ и рѣчи:
«Мы хотимъ —вопятъ солдаты—
Жаркой битвы, страшной сѣчи!
Темной ржавчиной покрылась
Сабля славнаго Османа...
Просимъ мы войны и крови
У безпечнаго султана!
Иль бараниной и рисомъ
Насъ откармливаютъ даромъ?
По три аспра намъ довольно—
Много ль нужно янычарамъ!
Но бѣда тому султану,
Чтó пугается кинжала

И котораго гречанка
Жгучимъ взглядомъ оковала!
Пусть онъ выйдетъ—мы желаемъ
Снова видѣть Магомета!
Пусть онъ выйдетъ—мы не станемъ
Долго ждать его отвѣта!..
Отворите тотчасъ двери,
Или мы ихъ разломаемъ!
Подавайте намъ султана,
Говорить мы съ нимъ желаемъ»!...

Но по прежнему безмолвенъ,
Грозенъ былъ дворецъ султанскій,
Запертъ наглухо тяжелой,
Круглой дверью мавританской.
Былъ однако же придворный,
Что̀ свободно и безъ страха
Могъ порою постучаться
Въ дверь гарема падишаха.
Звался онъ Халиль-пашою,
Былъ онъ визиремъ по сану,
И настойчиво онъ проситъ
Нынѣ доступа къ султану.

И во внутреннемъ покоѣ,
Гдѣ треножники стояли
Золотые и куреній
Ароматъ распространяли,
Въ сладкой нѣгѣ, растянувшись
На широкомъ оттоманѣ,

Съ брилліантовой эгреткой
На большомъ своемъ тюрбанѣ,
Магометъ любимца принялъ,
Величавый и надменный,
Между тѣмъ, какъ тотъ склоняся
Въ позѣ робкой и смиренной.
Руки деспота небрежно
По струнамъ гузлы блуждали.
Та жъ, по поводу которой
Янычары бунтовали,
Молодая эпиротка,
Помѣщалась у дивана
На огромной львиной шкурѣ,
На полу, у ногъ султана,
И почти совсѣмъ нагая,
Лишь волосъ густыхъ волною
Прикрывала грудь и плечи,
Что̀ сверкали бѣлизною.

— «Ну, чего мой визирь хочетъ?
Что сказать онъ мнѣ желаетъ?
Для чего онъ безъ призыва
Здѣсь покой нашъ нарушаетъ?
Плохо выбрана минута:
Я султаншу занимаю
И, достойные Гафиза,
Ей стихи теперь читаю».
— «Не такое нынѣ время,
Благородный сынъ Мурада!—
Отвѣчалъ Халиль султану;—

Не о томъ намъ думать надо...
Не о томъ, чтобы стихами
И любовью наслаждаться:
Янычары взбунтовались,
Во дворецъ хотятъ ворваться!..
Государь! Явись предъ ними
Вновь въ величіи суровомъ,
Укроти ихъ грознымъ взглядомъ,
Усмири ихъ властнымъ словомъ!
Лишь тебѣ возможно это...
Пусть калифа появленье
Вновь направитъ непокорныхъ
На стези повиновенья,
И поймутъ они, какъ дерзко
Предъ тобою погрѣшали.
Но ты долженъ показаться...
А не хочешь—мы пропали!»

Между тѣмъ, какъ старый визирь,
Тономъ важнымъ и серьезнымъ,
Говорилъ, свой станъ согнувши,
Предъ владыкой этимъ грознымъ—
Улыбался тотъ гречанкѣ
Съ чудно синими глазами,
Чтò къ нему теперь прильнула,
Обвила его руками
И всѣмъ тѣломъ трепетала,
Въ страхѣ глядя на султана,
Грудь царапая нагую
О шитье его кафтана,

Гдѣ, по фону золотому
Изъ парчи, вились узоры,
Изъ рубиновъ, изумрудовъ,
Красотой плѣняя взоры.

— «Такъ меня желаютъ видѣть?—
Онъ къ Халилю обратился;—
Хорошо... Сейчасъ я выйду...
Я слегка погорячился,
Покапризничалъ немного...
Но я знаю вѣдь солдата!
Я мятежныхъ успокою—
Будутъ смирны, какъ ягнята!»

Изъ объятій эпиротки,
Съ тихимъ нѣжнымъ извиненьемъ
Магометъ освободился,
И густыхъ бровей движеньемъ
Подозвалъ къ себѣ онъ Джема,
Вставъ съ широкаго дивана
(Это былъ нубіецъ евнухъ,
Приближенный рабъ султана),
И, шепнувъ ему три слова,
Величавою стопою,
Вмѣстѣ съ визиремъ Халилемъ,
Старцемъ съ бѣлой бородою,
Повелитель правовѣрныхъ,
Станъ свой выпрямивъ высокій,
Изъ своихъ покоевъ вышелъ
И по лѣстницѣ широкой

Изъ прекраснаго порфира
Началъ къ выходу спускаться.
Между тѣмъ, и шумъ, и крики
Продолжали раздаваться;
Но спокойно шелъ на встрѣчу
Онъ опасности великой,
Точно онъ совсѣмъ не слышалъ
Рева этой черни дикой.

Вотъ широко распахнулась
Дверь, такъ долго запертая,
И открылась предъ султаномъ
Площадь, блескомъ залитая,
Въ золотомъ туманѣ солнца,
Съ моремъ фесокъ и тюрбановъ,
И оружья, и одежды—
Поясовъ, шальваръ, кафтановъ...
Это море колыхалось
Въ безпорядкѣ шумномъ, дикомъ,
Вдругъ оно остановилось...
И однимъ громовымъ крикомъ,
Взрывомъ грянувшаго разомъ
И невольнаго привѣта,
Эти тысячи народа
Принимаютъ Магомета.
И властитель правовѣрныхъ,
Предъ толпою ихъ огромной,
Сталъ величественно, гордо,

Весь въ лучахъ подъ аркой темной.
Позади его былъ визирь,
А затѣмъ—фигура Джема,
Что̀ пришелъ съ мѣшкомъ какимъ-то
Вслѣдъ за ними изъ гарема.
И, по мраморному полу
Сдѣлавъ три шага отъ входа,
Прямо къ этой пестрой массѣ
Напиравшаго народа,
Взглядомъ гнѣвнаго презрѣнья
Магометъ ее окинулъ,
И предъ этимъ грознымъ взглядомъ
Весь потокъ ея отхлынулъ.

— «Что вамъ нужно?» загремѣлъ онъ.
Но толпа не отвѣчала,
Точно все свое нахальство
На минуту потеряла.
Шумъ смѣнился тишиною.
Мигъ, другой—и нѣтъ отвѣта...
«Что вамъ нужно?» повторяетъ
Гнѣвный голосъ Магомета.
Всѣ молчатъ... Но вотъ отъ прочихъ
Старый воинъ отдѣлился,
Весь въ рубцахъ отъ ранъ давнишнихъ;
Онъ глубоко преклонился
И отважно, не смущаясь
Передъ деспотомъ суровымъ,
Обратился къ Магомету
Съ твердымъ, мужественнымъ словомъ:

— «Повелитель правовѣрныхъ,
Высочайшая особа!
Мы твои душой и тѣломъ
Всѣ и нынѣ, и до гроба.
Мы довольны нашей платой,
Мы—рабы твоей державы,
Одного лишь мы желаемъ—
Для твоей погибнуть славы.
Но старѣйшему солдату
Твоего отца, Мурада,
Старику, что̀ съ нимъ сражался,
Въ битвахъ противъ Гуніада,
Скандеръ-бега и Дракуля,
Не безъ доблести и чести,
Ты позволь сказать всю правду,
Безъ утайки и безъ лести.
Всѣ горятъ къ тебѣ любовью,
Всѣ питаютъ уваженье;
Если жъ въ этомъ ты народѣ
Видишь нынче раздраженье,
То его причина—слухи,
Разносимые молвою,
Что ты сталъ рабомъ гречанки,
Помыкающей тобою;
Что, забывши все на свѣтѣ
И къ правленью безучастный,
Съ нею вмѣстѣ ты проводишь
Время въ нѣгѣ сладострастной...
Докажи, что эти слухи
Оскорбляютъ властелина:

На коня садись—помчится
За тобой твоя дружина!
Покажи своимъ отважнымъ
Старымъ соколамъ османскимъ
Непріятеля; страви ихъ
Съ войскомъ греческимъ, албанскимъ—
И въ когтяхъ своихъ могучихъ,
Твоему послушны кличу,
Принесутъ они калифу,
Всѣ въ крови, свою добычу!
И клянусь тебѣ Аллахомъ:
Говорю тебѣ я это
Отъ лица всѣхъ янычаровъ,
Ожидающихъ отвѣта»!

— «Знай, храбрецъ,—вскричалъ властитель—
Эти мраморныя плиты
Были бы твоею кровью
Въ этотъ самый мигъ облиты,
Если бъ я не зналъ, что старцы
Умъ теряютъ свой съ годами,
И твой лобъ украшенъ не былъ
Благородными рубцами!..
Значитъ, вѣрятъ, значитъ, можно
Убѣдить въ томъ и солдата,
Что такую власть имѣетъ
Страсть надъ сыномъ Амурата,
Что онъ мужество утратилъ,
Глупой прихотью волнуемъ,
Что расплавила гречанка

Это сердце поцѣлуемъ!..
О, народъ неблагодарный,
Безтолковные бараны,
Вы, заносчивая сволочь,
Дрянь, задорные буяны—
Какъ осмѣлились вы думать
Деревянными башками,
Что сковать возможно было
Льва цвѣточными цѣпями?
Какъ дерзнули обвинять вы—
Черви, гады—падишаха,
Властелина правовѣрныхъ
И земную тѣнь Аллаха?
И на эти обвиненья
Вы желаете отвѣта?..
Вотъ онъ вамъ, собачьи дѣти,
Отъ султана Магомета»!

И когда, дрожа отъ гнѣва,
Страшнымъ голосомъ, громовымъ,
Заключилъ онъ рѣчь къ народу
Этимъ вѣскимъ, грознымъ словомъ—
То онъ къ Джему повернулся
И въ мѣшокъ изъ кожи грязной,
Что̀ ему мгновенно подалъ
Этотъ евнухъ безобразный,
Сунулъ царственную руку
Предъ толпою изумленной,
И тотчасъ оттуда вырвалъ
Съ головой окровавленной—

Головой своей гречанки,
Юной, нѣжной и прекрасной,
Что рабамъ велѣлъ зарѣзать
Этотъ деспотъ самовластный...

Звѣрски, гнусно, безобразно
Отдѣленная отъ стана,
Сверху груди до затылка,
Вкось, ударомъ ятагана,
Страшный видъ она имѣла
Съ обнаженными зубами,
Съ массой косъ окровавленныхъ,
Съ расширенными зрачками
Синихъ глазъ, что̀ такъ лучисты,
Такъ полны сіянья были,
И предъ этой гнусной казнью
Въ дикомъ ужасѣ застыли...
Эту голову за косы
Магометъ держалъ рукою
И своимъ трофеемъ страшнымъ
Потрясалъ онъ надъ толпою,
Что̀, какъ будто задохнувшись,
Стихла вдругъ, окаменѣла
И на голову гречанки
Тупо, въ ужасѣ, глядѣла,
Между тѣмъ какъ кровь обильной
Изъ нея струей бѣжала
И на чистый, бѣлый мраморъ
Краснымъ ливнемъ упадала...

Вечерѣло. Въ это время
Лучезарное свѣтило
На прозрачно-синемъ небѣ
Въ полномъ блескѣ заходило.
И въ своемъ закатѣ чудномъ,
Тихомъ, плавномъ, величавомъ,
Обдало оно внезапно
Яркимъ пурпуромъ кровавымъ
Все пространство горизонта
Вплоть до Мраморнаго моря;
И казалось, что свѣтило
Кровью плакало отъ горя...
И вся даль, и вся окрестность,
Что́ могли окинуть взоры—
И долины, и стѣною
Окружавшія ихъ горы,
Зданья, башни, минареты,
Портъ, наполненный судами,
Рынки, шумные кварталы,
И мечети съ куполами,
И дворецъ съ тяжелой дверью,
Съ мавританскимъ круглымъ сводомъ,
Небо, море, янычары,
И султанъ передъ народомъ,
Съ гнѣвнымъ жестомъ властелина—
Все внезапно стало краснымъ,
И, казалось, это было
Предвѣщаніемъ ужаснымъ:
Точно небо говорило
Этимъ ярко-краснымъ цвѣтомъ

О потокахъ теплой крови,
Что̀ прольются Магометомъ...

Но зловѣщаго символа
Эта чернь не замѣчала;
Ужъ теперь она, въ восторгѣ,
Громко, бѣшено кричала,
Прославляя Магомета,
Съ упоеньемъ и любовью,
Созерцая эту руку,
Всю забрызганную кровью.
И у ногъ его солдаты,
Какъ рабы, распростирались
И къ колѣнямъ властелина,
Другъ предъ другомъ, порывались,
И небесъ благословенье
Призывали на султана,
Жарко, страстно лобызая
Нижній край его кафтана,
Робко, льстиво, какъ собаки,
На лицо его смотрѣли...
Наконецъ, всѣ эти ласки
Магомету надоѣли.
Онъ брезгливо повернулся
И рукой своею бѣлой
Бросилъ голову гречанки
Въ глубь толпы остервенѣлой...
И когда толпа, въ восторгѣ,
Снова громко закричала,
На лицѣ его суровомъ

Злая радость засіяла...
И промолвилъ онъ Халилю,
Указавъ ему съ презрѣньемъ
На народъ, что̀ упивался
Этимъ гнуснымъ преступленьемъ,
На солдатъ, что̀ раболѣпно
Передъ нимъ склоняли выю:
«Ну, теперь они готовы
И возьмутъ мнѣ Византію»!

Д. Михаловскій.

Сеннахерибъ.

Въ тѣ дни, какъ покорилъ Сеннахерибъ Халдею
И славу въ ней свою упрочилъ твердо онъ,
Народъ, отъ ужаса и горя холодѣя,
Изъ милой родины былъ силой уведенъ.
Отъ варваровъ тогда онъ много принялъ муки:
Страдали больше всѣхъ старѣйшіе отцы—
Кололи имъ глаза и отрубали руки;
Межъ тѣмъ, какъ строили роскошные дворцы
На украшеніе и гордость Ниневіи,
По родинѣ томясь, сыны ихъ молодые.

Однажды ѣхалъ царь верхомъ, и Тигръ-рѣка
Предъ нимъ неслась, волной игривою блистая,
Какъ на царѣ самомъ одежда золотая.
Вдругъ онъ на берегу увидѣлъ старика.
Халдей былъ нищъ и слѣпъ, но крѣпкаго сложенья,
И гордой поступью онъ шелъ въ сопровожденьи
Своихъ возлюбленныхъ и нѣжныхъ сыновей—
Надежды радостной его послѣднихъ дней.

Остановивъ коня могучею рукою,
Сеннахерибъ сидѣлъ, склонившись надъ лукою,
И долго молча онъ за ними наблюдалъ,
Какъ младшій изъ дѣтей хлѣбъ старику давалъ,
А старшій, погруженъ въ сыновнія заботы,
Разсказывалъ ему про города красоты.
Одинъ изъ сыновей рукой служилъ отцу,
Другой же замѣнялъ разсказомъ свѣтъ слѣпцу.

На плѣнниковъ смотря, царь омрачился думой
И, бороду свою рукою покрутивъ,
Поѣхалъ къ городу, печальный и угрюмый,
И втайнѣ размышлялъ.
«Какъ этотъ рабъ счастливъ!
Сыновней лаской въ печали онъ утѣшенъ:
Добры, почтительны, нѣжны они къ нему...
Но я-то отчего завидую ему?
Кто изъ сыновъ моихъ передо мною грѣшенъ?
Въ комъ грязны помыслы и совѣсть нечиста?
Мои богатства всѣ и славы высота
Такъ помогли сынамъ моимъ возвеличаться,
Что въ благодарности нельзя мнѣ сомнѣваться:
По всей Ассиріи сатрапами страны
Поставивъ сыновей, для нихъ богатствъ несмѣтныхъ
Отецъ не пожалѣлъ; когдажъ покорены
Мной были Мидяне, въ даръ отъ меня сыны
Тотъ получили край моихъ надеждъ завѣтныхъ.
Все мною имъ дано: и кони, и слоны,
И горы золота, и пышныя палаты....
Какъ имъ не чтить меня, когда они богаты,

Когда могуществомъ звучатъ ихъ имена?
О, знаю—безъ конца ко мнѣ любовь сильна
Старѣйшихъ сыновей, надежды Вавилона,
Стоящихъ ближе всѣхъ у царственнаго трона!»...

Такъ молча думалъ царь. Но въ ту же полночь онъ
Сынами старшими былъ сонный задушонъ.

Н. Позняковъ.

Къ стр. 120.

Содержаніе драмы „Якобиты".

Дѣйствіе происходитъ въ царствованіе Георга II, 1746, въ Шотландіи, куда неожиданно высаживается претендентъ на престолъ, молодой Стюартъ, съ немногочисленными своими приверженцами. Среди горцевъ появляется восторженный фанатикъ—слѣпой Ангусъ, бродящій по Шотландіи со своей внучкой Маріей, который убѣждаетъ мѣстное населеніе не оставлять претендента безъ помощи. Еще болѣе сильное вліяніе на горцевъ оказываетъ присоединеніе къ нимъ стараго лорда Фингала, одного изъ чтимыхъ ими вождей, жена котораго, молодая красавица Дора—также восторженная приверженница молодаго принца.

Появленіе самого героя, молодого, красиваго Карла Эдуарда покоряетъ всѣ сердца, а Марія и Дора обѣ влюбляются въ него.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ блестящихъ успѣховъ принца, котораго всюду сопровождаютъ лордъ и лэди Фингалъ, и вскорѣ Стюартъ заводитъ съ Дорой интригу, не останавливаясь предъ низостью обмана человѣка, которому онъ многимъ обязанъ. Но не такъ смотрятъ на его поступокъ суровые шотландцы. Они даютъ знать лорду Фингалу о мѣстѣ свиданія, куда должны явиться ничего неподозрѣвающіе принцъ и Дора. Но случайно незамѣченная ими Марія слышитъ ихъ разговоръ. Она сама любитъ принца, и открытіе это поражаетъ ее въ самое сердце. Но она тотчасъ же рѣшается спасти его и бѣжитъ на мѣсто свиданья, гдѣ застаетъ уже Дору. Объяснивъ ей на скоро грозящую имъ опасность и слыша приближающіеся голоса, Марія прячетъ свою соперницу, а сама остается

на ея мѣстѣ и выдаетъ себя за любовницу принца. Маріи приходится подвергнуться не только насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, но вынести также проклятіе слѣпаго Ангуса. Старикъ впрочемъ недолго остается въ заблужденіи, Дора открываетъ ему истину.

Послѣ этого проходитъ нѣкоторое время; счастье отворачивается отъ претендента, и онъ скрывается въ лѣсахъ отъ преслѣдованія англичанъ.

Дѣйствіе переносится снова во владѣнія лорда Фингала, который также укрывается отъ поисковъ враговъ въ домѣ одного изъ своихъ фермеровъ, Дункана. Старый лордъ удрученъ горемъ, онъ оплакиваетъ свою Дору, убитую пулей въ одной изъ стычекъ инсургентовъ съ войсками правительства.

Посѣщенія ея могилы и свѣтлыя о ней воспоминанія едва поддерживаютъ въ немъ жизнь. Но тутъ дурачекъ Джоэ, одинъ изъ сыновей Дункана, отдаетъ ему найденный имъ медальонъ Доры, и Фингалъ находитъ въ немъ портретъ Стюарта и любовное письмо къ нему своей жены. Лордъ приходитъ въ страшное негодованіе и готовъ броситься тотчасъ же съ топоромъ на Стюарта, котораго, только что передъ тѣмъ, спрятали на фермѣ отъ преслѣдованій англичанъ. Возвышенная натура и преданность династіи берутъ однако верхъ, и лордъ, которому жизнь невыносима, добровольно отдается въ руки сержанта, явившагося на ферму въ погонѣ за Стюартомъ, и тѣмъ еще разъ спасаетъ принца.

Дункану удается провести Стюарта въ лѣсъ и послѣ долгихъ томительныхъ скитаній сдать его на французскій корабль. Но передъ этимъ принцъ сталкивается въ лѣсу съ Ангусомъ и Маріей, больною, подавленнною всѣми пережитыми потрясеніями. Между ними происходитъ трогательное прощаніе, послѣ чего, Марія, услыхавъ пушечный выстрѣлъ, означавшій благополучное отплытіе Стюарта на кораблѣ, умираетъ на рукахъ слѣпаго дѣда.

